

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц.

Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.

Direction et Bureau en France: F. ATRAN, 6, Square de l'Opéra. — PARIS.

№ 6-7 (645)

31-ый год издания

Нью-Йорк - Париж
Июнь-Июль 1951 г.

En France 50 Fr.
Цена: в С.Ш.А. 35 ц.

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая.

Политика Кремля — не национальная политика России. (Открытое письмо ред. "Таймса").

С. Шварц: К национальному вопросу в России.

П. Берлин: Двойной империализм.

Луи Корей: Война, как орудие коммунистической политики.

Р. Абрамович: Новая программа Интернационала.

В. Александрова: Литература и жизнь, "Литературный Современник".

Свободная Трибуна — Петро Яровий: К десятой годовщине великой провокации.

Вера: Вестница "оттуда".

Заметки. — Так было, так будет.

Из прошлого. — А. Добровольский: в русской деревне в 1930 году.

А. Вересов: Обыкновенная история ("новейшие").
Основные принципы демократического социализма.

Мир в Корее — война во всем мире

Когда эти строки дойдут до читателя, в Корее, вероятно, будет уже перемирие на фронте. Пушки, в течение года наполнявшие воздух своим грохотом, умолкнут. Прекратятся воздушные налеты на города, перестанет литься кровь, и измученные корейские люди по обе стороны 38-ой параллели в первый раз за долгие месяцы смогут вылезть из своих полуразрушенных жилищ и снова приступить к мирному труду.

Конечно, все возможно. Возможно, что переговоры кончатся ничем, и война снова разгорится, — на этот раз с еще большей силой и свирепостью, по-Мэк-Артуровски. Но все говорит против этой гипотезы. И голливудская «постановка» речи Малика, — с гигантским портретом Сталина за его спиной, — и формулировка его «инициативы» (начало переговоров без всяких политических условий) говорят за то, что коммунизм сейчас заинтересован в корейской «передышке». Не трудно понять и их мотивы. Они те же, что диктуют и США желание как можно скорее прекратить войну в Корее. Для обеих сторон Корея оказалась бездонной пропастью, в которую приходится без конца, и без всякой перспективы близкого конца, бросать огромные средства все растущей массы первоклассного военного снаряжения и — людей.

Если богатая и промышленно-мощная Америка может сравнительно легко перенести потери снаряжения, то это уже гораздо труднее для Москвы, — единственной поставщицы военного материала для своих сателитов в

Европе и Азии. Но зато Китай может гораздо легче США переносить потери людьми.

Корейская авантюра имела огромный смысл для Москвы, если она могла быть победоносно закончена методом «короткого удара». И США не приняли бы сейчас перемирия, если бы они надеялись на победу в близком будущем. При отсутствии этого шанса для обеих сторон, простое благоразумие и холодный расчет диктуют им стремление закончить игру «в ничью».

Правда, компромисс в данный момент более выгоден для США, чем для коммунистов. Ведь нападающей стороной была Сев. Корея, действовавшая по соглашению с Москвой. И теперь северным корейцам, 24-го июня прошлого года с такими надеждами и таким триумфом перешедшим 38-ую параллель для «освобождения» всей Кореи, приходится вернуться с разбитой головой — и чрезвычайно пострадавшим престижем — к разбитому корыту. Причем пострадал престиж не только корейского коммунизма, но и китайского, и — сталинского. Ведь никто иной, как сам «отец народов» заявил в своем знаменитом интервью в «Правде» от 17-го февраля, что «не будет в Азии мира, пока справедливые требования китайского народа не будут удовлетворены». Но «справедливые требования» Мао-Це-Дуня так ведь и останутся неудовлетворенными. Азия и весь мир убедились теперь воочию, что коммунизм еще не владеет миром, и что грозный окрик Запада, подкрепленный неожиданно мощной демонстрацией военной силы США,

остановил и в состоянии и дальше остановить победоносное шествие коммунизма в Азии. Мало того: за этот год Запад из полу-парализованного нервно-больного, который сам не знал, чего он хотел и ни на что не мог решиться, превратился в здорового детину, который расправляет свои уснувшие было мускулы и усиленно тренируется для предстоящих боев.

Чарльз Вильсон, руководитель всей американской оборонной промышленности, уже заявил, что корейское перемирие ни на день не остановит и на иоту не ослабит военных приготовлений США: «Мы ориентируемся — сказал он, не на те или иные временные зигзаги Москвы, мы имеем в виду московские планы «дальнего прицела».

Многие американцы из тех, кто не верят Москве, склонны, однако, слишком примитивно и упрощенно представлять коварство Кремля. Они уверяют, что Сталину нужно закончить войну в Корее для того, чтобы освободившиеся силы немедленно же перебросить в Иран или на другой участок мирового фронта «холодной войны», с тем, чтобы превратить ее там в «горячую».

На самом деле игра Сталина гораздо сложнее. И мы ее не всегда в состоянии конкретно разгадать: ведь и Корея для общественного мнения мира и даже для военных авторитетов союзников явилась полной неожиданностью (даже Мэк-Артур не поверил агентским сообщениям о готовившемся в июне нападении Северной Кореи!).

Но нельзя, по нашему мнению, не согласиться с Мэк-Артуром, когда он поворачивает (русские политики об этом писали задолго до американского генерала, но на то они и русские), что Сталина нельзя «провоцировать на войну»; если он к ней не готов, и она в его планы еще не входит, то никакими средствами его нельзя будет заставить принять вызов. Если же он к войне готов и решил ее начать, то любой повод для него хорош, и он даже не нуждается в нем: он очень свободно сам его выдумает. Ведь выдумал же Кремль осенью 1939 г., когда Сталин решил начать войну с Финляндией, историю с мифическим нападением финского патруля на советских пограничников! И разве постеснялся мировой коммунизм северо-корейское нападение на южан превратить в агрессию США против Сев. Кореи!? Предлог всегда найдется, если Сталин решил начать войну.

Но он с этим не торопится. Пока он не совсем готов, он спокойно, не торопясь, готовится. Зачем ему торопиться до тех пор, пока «время работает на него» и пока имеются «холодные» возможности расширить территорию своего господства через «коммунизацию» разных стран политическими методами или путем «непрямого нападения»?

Теоретически говоря, когда две стороны готовятся к неизбежному конфликту, ни одна сторона не может быть уверенной в том, что по мере приближения момента равенства сил, более сильная в данный момент сторона не воспользуется своим еще имеющимся превосходством, чтобы неожиданным нападением склонить чашку весов победы на свою сторону. Теоретически, повторяем, это относится в равной степени и к Москве, и к Западу. Но практически дело обстоит совершенно иначе. Планы Москвы, ее намерения и ее стратегия известны миру только в самых общих очертаниях. Практиче-

ски, конкретно западный мир может о них только гадать. Наоборот: о планах, намерениях и решениях Запада, даже самых тайных и детальных, Кремль осведомлен из самых достоверных источников. Когда мы несколько лет тому назад наполовину фигурально, наполовину буквально утверждали, что Кремль имеет свои потайные «микрофоны» во всех нужных ему кабинетах, мы, конечно, не имели понятия ни об атомных шпионах, ни о Алджере Хиссе, ни об английских дипломатах Мэклине и Берджесе, недавно удравших в Москву. Но разве мы были далеки от истины?

Имея «внутреннего человека» из высших кругов Вашингтона и из лондонского Форейн Офиса и, надо полагать, из парижского Кэ д'Орсэй, Сталин располагает полной осведомленностью обо всем, что ему необходимо знать, чтобы не быть застигнутым врасплох каким-либо неожиданным ходом противника. Это дает ему огромное преимущество перед Западом, осведомленность которого в тайнах Кремля очень близка к нулю. И это позволяет ему почти безошибочно вести свою игру. В частности, это дает возможность Сталину вести «войну нервов», доводя напряжение до крайней точки, но каждый раз, точно зная о намерениях и приготовлениях второй стороны, — до поры до времени, — отступать перед открытым конфликтом.

Казалось бы, что корейский инцидент, в котором Сталин как-будто попал впросак, противоречит описанной нами картине. На самом деле, Корея лишь подтверждает нашу гипотезу. Ошибка Сталина в Корее, как это ни звучит парадоксально, произошла не от неосведомленности, а, наоборот, от слишком полной и точной информации. Сталин точно знал, — и это совершенно соответствовало действительности, — что и военные власти, и высшая администрация США решили, что Корея и Формоза не являются «жизненно необходимыми» для обороны страны. Как же мог Сталин, когда давал приказ о вторжении в Южную Корею, предполагать, что в последнюю минуту, буквально в течение нескольких часов 25 июня президент Трумен и его советники на 180 градусов повернут свою стратегию?! От него нельзя было требовать, чтобы он знал заранее то, чего не знали и сами правители США.

Во всяком случае, о Сталине нельзя сказать, что он не учится на своих ошибках. Второго корейского провала, поэтому, не приходится ждать, — во всяком случае, в ближайшем будущем.

Но в то же время нет никакого основания предполагать, что в общей политике или стратегии Кремля что-либо изменилось. И надо серьезно предостеречь мир от подобных иллюзий. Перемирие в Корее — только прекращение одного сражения на пространстве огромного фронта, охватывающего весь земной шар. При абсолютной засекреченности планов Политбюро и при совершенной недостаточности нашей информации, никто не решится с уверенностью сказать, в каком пункте мирового фронта Сталин собирается довести конфликт до кризисной точки, — и не отступит ли он в самый последний момент, чтобы перебросить свое наступление на совершенно другой участок. Это может произойти в Иране или в Югославии, в Афганистане или в Берлине, или еще где нибудь. Единственное, что мы твердо знаем и в чем можем быть абсолютно уверенными, это — то, что в каком-то участке начнется новое наступле-

ние, Корейское сражение заменится другим сражением: холодным или горячим. Перемирие в одном месте сменится агрессией в другом. Война продолжается...

Но в отличие от того, что было еще год тому назад, до Кореи, западное человечество уже не вернется к тому состоянию политического невроза и раздвоенности воли, в котором оно пребывало с осени 1945 года до 25 июня 1950 г. Руководящие круги всех государств уже понимают теперь, что у них нет никакого иного пути к спасению своих государств, своих народов и все-

го мира, как самая усиленная и самая лихорадочная подготовка не только к частным и местным конфликтам, которые могут начаться по-корейски и кончиться по-корейски, но и к тому большому, величайшему конфликту, который Кремлем готовится неустанно, безостановочно, дню и ночью.

Лозунгом Запада должно стать изречение американского солдата на корейском фронте, когда до него дошло предложение Малика: «А, они предлагают мир? Нужно удвоить караулы!»

ПОЛИТИКА КРЕМЛЯ — НЕ НАЦИОН. ПОЛИТИКА РОССИИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ТАЙМС»

Печатаем ниже полный текст письма в редакцию нью-йоркской газеты "Таймс", помещенного, в несколько сокращенном виде, в указанной газете от 8-го июля.

Милостивый Государь!

Ваша передовая статья от 28 июня «Реализм по отношению к России», в которой комментируется речь Государственного Секретаря г. Эчисона, произнесенная в Хаус Форейн Аффферс Комити 26-го с. м., должна вызвать ряд серьезных возражений со стороны русских демократов, которые в свое время боролись за свободу против монархии, а теперь долгие годы борются за нее против большевизма.

Мысль, которая красной нитью проходит через речь г. Эчисона и, в еще более заостренной форме, через Вашу передовицу, сводится к тому, что, как Вы пишете, «Советские властители следуют империалистическим русским традициям, с той только разницей, что к русской военной мощи они прибавили новые виды оружия, — коммунистический заговор, революционную психологическую войну и косвенную агрессию».

Г. Эчисон со своей стороны утверждает, что Сталин является только продолжателем той политики завоеваний и экспансии, которые Российское Государство вело на протяжении последних 500 лет.

Мы считаем эти утверждения совершенно ошибочными с исторической точки зрения. Но они еще гораздо опасней с точки зрения политической и для демократии русской, и для демократии мировой. Говоря об истории, не следует упускать из виду того, что не одно Российское Государство из маленького княжества путем захватов и консолидации превратилось в мировую империю. История всех других больших государств, возникших за последние столетия в Европе, и не только в Европе, — развивалась путем колонизации и экспансии, войн и захватов, — всего того, что теперь принято называть экономическим и политическим империализмом. Ни в каких других терминах нельзя описать ни историю Британской Империи, ни историю Франции, Германии, Австрии, — вплоть до конца 19-го века. Но разве было бы справедливо, говоря, напр., о британском народе 20-го века, приписать ему стремление продолжать ту политику захвата и колониализма, которую Англия вела в 17, 18 и в первой половине 19 века?

Русский народ не представляет в этом отношении исключения. Завоевательная политика русской монархии

в основном закончилась в последнюю четверть 19 века. Попытка гальванизировать политику экспансии путем несчастной авантюры на Ялу в начале 1900-х годов встретила единодушное осуждение и вызвала сопротивление со стороны большей части русского народа, в особенности его передовых элементов. После революции 1905 г. и до 1914 г. русский народ и русская политика не были ни более воинственны, ни менее миролюбивы, чем политика других государств. И мы не слышали еще до сих пор со стороны ответственных политиков или писателей в США упреков в том, что Россия несет большую долю ответственности, чем ее союзницы — Франция, Англия и США, за общую оборону против австро-германской агрессии 1914-18 г. г.

Первые шаги победоносной демократической революции в феврале 1917 г. были ознаменованы актами Временного Правительства, которые свидетельствовали с полным отсутствием у него каких-либо экспансионистских или воинственных намерений. Временное Правительство активно отстаивало перед союзниками мир без аннексий и контрибуций, на основах самоопределения всех народов, и само подало пример, добровольно дав захваченной царизмом Польше полную независимость.

Все эти меры в тот момент были поддержаны огромным большинством русского народа, который доказал, не словами только, а на деле, — в эпоху, когда он был свободен, — что так наз. «исторические традиции России» в смысле завоевательной внешней политики и угнетения национальностей, отнюдь не являлись традициями самого русского народа.

Когда пришел большевистский переворот, историю и происхождение которого мы здесь сейчас не можем анализировать, — даже большевистская диктатура, которая была диктатурой с первого момента своего зарождения и уже тогда имела свои планы и перспективы будущего — заняла — под давлением «не-традиционных» настроений огромных масс русского народа позицию радикального отрицания каких-либо завоевательных или националистических настроений.

Лишь в результате своей внутренней эволюции, своей идеологии и всего своего политического существа, большевистская диктатура, оказавшаяся по ряду исторических обстоятельств способной удержаться у власти в течение трети века, — создала государство совершенно нового типа, в истории еще никогда небывалого, — государства-партии, государства, в котором все, — не только земля, недра, фабрики, дома, транспорт, — но и

самый народ является безраздельной ответственностью диктаторской партии. Не Сталин — оружие в руках империалистического русского народа, а народ — оружие в руках партии Сталина. Эта партия, применяющая методы неслыханного террора и насилия над народом, лишенная всякой свободы и всех возможностей сопротивления, ни по своим собственным воззрениям, ни объективно не является национальным представителем России. Она — интернациональна по самой своей сути. Ее цели определяются не интересами страны и народа, которыми она правит, и даже не только заботой о своем самосохранении, а стремлением к безграничному расширению территории своего господства, в конечном счете, к господству над всем земным шаром. Но не в интересах российского государства или «великорусского племени», к которому, кстати, многие лидеры компартии вовсе и не принадлежат, — а в интересах международного коммунизма, для утверждения гегемонства возглавляемой ВКП мировой Компартией.

Именно непониманием этой основной истины, которую мы тщетно уже в течение многих лет старались внушить общественному мнению Запада, и объясняются очень многие роковые ошибки, совершенные союзниками и до второй мировой войны, и во время ее, и после нее. Люди, сами стоявшие во главе своих стран и действующие в интересах своих народов в первую очередь, психологически не в состоянии понять душевного уклада людей из Кремля. Они их мерили своей меркой, приписывая им свои собственные мотивы и побуждения, и естественно, что их представление о вероятной политике Советской России неизменно оказывались ложными. Отсюда — Ялта, и Тегеран и Потсдам, и политика по отношению к Китаю.

Ту же ошибку собираются теперь, повидимому, повторить снова некоторые американские государственные деятели. Их в этом, к сожалению, поддерживает Ваш орган, пользующийся столь заслуженным вниманием во всем мире.

Объявляя Сталина по существу продолжателем «традиционной русской политики», Вы тем самым в известной мере отождествляете режим Сталина с русским народом, Вы возлагаете на русский народ, на его интеллигенцию, на его руководящие слои, известную долю моральной ответственности за политику Сталина. А это должно иметь свои политические и психологические последствия в самой России. Американские речи и статьи о тождестве сталинской агрессии с национальными традициями России будет подхвачено всей коммунистической пропагандой, для построения своего антитезиса: «Значит, — скажут они, — борьба западных держав ведется не только против Сталина, как они до сих пор лицемерно утверждали, а против самого русского народа. Значит, Сталин в борьбе против Запада защищает не только себя, но и российское государство, но и русский народ».

Анти-национальная и анти-народная диктатура Сталина никогда не отказывалась прибегать к самой грубой пропаганде русского патриотизма, когда ей было это полезно. Так она поступила в самый критический период второй мировой войны, когда она лицемерно отказалась от интернационализма, от пропаганды ком-

мунизма, и всю свою пропаганду сосредоточила на разжигании патриотических и национальных инстинктов.

Мы считаем нужным предостеречь ответственных руководителей западных держав, в которых угнетенный русский народ видит своих естественных союзников, от опасной попытки во имя исторических обобщений, не соответствующих исторической истине, — создать видимость общности интересов между сталинской диктатурой и русским народом. В той титанической войне, которая надвигается на них по вине сталинской диктатуры, и только ее одной, один из главных шансов победы демократии над варварством и рабством является активное содействие или, по меньшей мере, пассивное сочувствие широких масс русского народа. Этот шанс может быть потерян, если США и другие союзники не заявят без оговорок и ограничений, что борьба с их стороны ведется только против господствующей над народами России и сателитов коммунистической диктатуры, но не против России или народов России.

Мы говорим о «народах России». Ибо российская демократия, в лице своих наиболее авторитетных и связанных с жизнью России течений проявила твердую решимость к справедливому и демократическому разрешению вопроса о «национальных меньшинствах». Считая наилучшей формой будущей свободной России федеративную республику всех народов на основе равенства, российские демократы признают в то же время право каждого народа на полное самоопределение, путем свободного демократического голосования под наблюдением Объединенных Наций.

Мы считаем, что нарастающая за последнее время атмосфера взаимного понимания и сотрудничества американской демократии и российской, проявившаяся в рождении групп граждан, считающих российский народ своим союзником, и в заявлениях государственных деятелей и органов, потерпит тяжелый урон, если ноты, прозвучавшие в речи г. Эчисона и в Вашей передовой статье, стали бы политикой США.

Нью-Йорк, 28 июня 1951 г.

Подписи:

Р. Абрамович
 М. В. Вишняк
 Роман Гуль
 В. М. Зензинов
 Е. П. Иргизов
 М. М. Карпович
 А. Ф. Керенский
 Б. А. Константиновский
 И. А. Курганов
 Б. И. Николаевский
 Л. Б. Смирнов
 Г. П. Федотов
 В. М. Чернов
 С. М. Шварц

С. ШВАРЦ

К национальному вопросу в России

1.

Среди вопросов, вызывающих горячие споры в эмиграции, один из основных и наиболее взрывчатых, это — вопрос о взаимоотношении между многочисленными населяющими огромную территорию Советского Союза национальностями после коммунистической диктатуры.

Это даже не вопрос, а целая серия вопросов. Обычно все споры в рядах российской эмиграции по «национальному вопросу» сводятся к спору о праве той или иной национальности на отделение и образование самостоятельного, независимого государства. Но это только начало. Теоретически гораздо сложнее и практически труднее разрешение вопросов об удовлетворении национальных стремлений и об обеспечении свободного развития национальностей, не отделяющихся от многонационального целого; о создании условий для совместного «доброе соседского» существования большого числа национальностей в рамках большого многонационального государства. Отделение той или иной национальности этой проблемы не устраняет: сколько ни отделись, — всегда в рамках России останутся, и в немалом количестве, национальные меньшинства, для которых необходима будет создать гарантии свободного национального развития. И тот же вопрос немедленно встает во всех отделившихся государствах. Если бы в этом вопросе, в вопросе о действительных гарантиях для национальных меньшинств, можно было создать полную ясность, — и вопрос об отделении, может быть, в значительной мере утратил бы свою остроту.

Сейчас вопрос этот обсуждается вне перспективы разрешения национальных проблем внутри будущей демократической России. Проблема права на отделение встает, поэтому, как самостоятельная проблема, заслоняющая все прочие проблемы политики национальностей. Такое сужение национального вопроса благоприятствует усилению сепаратистских стремлений и создает психологическую атмосферу, неблагоприятную для внимательного отношения к аргументам противника. Об этом можно сожалеть, но это сейчас, повидимому, не устранимо.

2.

Российская эмиграция распадается на множество группировок, из которых одни ощущают себя частями большого российского многонационального целого, для других, напротив, преобладающей чертой является ощущение своей особой национальной индивидуальности. В этих последних группировках решительно преобладают сейчас настроения обостренного национализма, и очень сильна тяга в сепаратизму. Это относится не только к не-демократическим группировкам в среде «меньшинственной» эмиграции; это остается пока верным и для огромного большинства демократических «меньшинственных» группировок. Напротив, в той части политической эмиграции, которая стремится оставаться на почве общероссийской демократии, в последние годы наблюдается очень отчетливый сдвиг, и в сознание этих групп все глубже проникает мысль о необходимости безусловного признания за сколько-нибудь значитель-

ными национальностями права на отделение от России. Это не означает положительного отношения к отделению. Больше того: это не исключает решительно отрицательного отношения к отделению. Это означает лишь, что в случае возникновения вопроса об отделении — вопрос, отделяться или не отделяться, должен быть решен свободным голосованием самой национальности, о которой идет речь, как непреложный закон, и никаких препятствий к осуществлению отделения, если свободным голосованием оно будет постановлено, чинить не будет.

Но голосование это должно быть действительно свободным и при этом — и это особенно важно — **бесспорно** свободным: свободный характер голосования не должен вызывать сомнений ни у сторонников, ни у противников отделения. Только такое голосование и в случае положительного, и в случае отрицательного решения вопроса об отделении обеспечит сведение трений между национальностями к минимуму и откроет путь к установлению прочного межнационального мира.

Но бесспорность свободного характера голосования не создается автоматически, тем более в обстановке межнационального спора. Для того, чтобы результаты голосования были приняты, как бесспорно выражающие волю голосовавших, необходимо создать **гарантии свободы голосования**. Такие гарантии не могут быть созданы односторонней волей ни самой призываемой к голосованию национальности, ни общероссийской демократии. И та, и другая являются сторонами в этом вопросе. Рассуждая абстрактно, можно, конечно, сказать, что гарантии бесспорности свободы голосования могли бы быть созданы соглашением обеих сторон. Но такое соглашение в напряженной общественной обстановке после крушения коммунистической диктатуры мало вероятно, и если бы оно даже было достигнуто между какими-либо органами, представляющими общероссийскую демократию, с одной стороны, и поднимающую вопрос об отделении национальность, с другой, бесспорность такого соглашения для многих оставалась бы под сомнением.

Разрешение этой трудности — в установлении какой-то **международной гарантии** свободы голосования. Голосование должно подготавливаться и проходить **под наблюдением или контролем Объединенных Наций**, которые должны обеспечить действительную и полную свободу предварительного обсуждения и голосования. О границах компетенции соответственного органа Объединенных Наций можно спорить: большая или меньшая широта этой компетенции («наблюдение» ли только, или более активный «контроль») определится в зависимости от конкретной обстановки. Но самый принцип должен быть принят, как бесспорный. Идея эта, выдвинутая еще два года назад Р. А. Абрамовичем, постепенно завоевывает широкое признание.

Такое решение вопроса о контроле над голосованием вызывает, правда, возражения с двух сторон. В кругах, отражающих общероссийскую точку зрения, установление наблюдения (или контроля) Объединенных Наций над голосованием по вопросу об отделении от России одной из ее частей воспринимается многими, как не-

переносимое посягательство на суверенитет России. И с другой стороны, в украинской среде тот же факт вызывает упреки в посягательстве на государственный суверенитет Украины.

Эти возражения идут дальше, чем их авторы готовы признать. Ведь самый факт голосования по вопросу об отделении означает голосование о выборе суверенитета: российского или иного. Международный контроль над таким голосованием — при невозможности иным путем обеспечить бесспорность голосования — напрашивается сам собой. Отрицать такой контроль в принципе можно только, отрицая самую идею народного голосования по вопросу о сохранении принадлежности к России или об отделении от нее.

3.

Выше я говорил о предоставлении отдельным национальностям права решать свободным голосованием вопрос об отделении от России. Это не совсем точно. Отделяться могут не национальности, а лишь территории. Мы говорим, правда, о самоопределении национальностей, а не территорий, потому что решающим мотивом в пользу отделения является мотив национальный, стремление к самостоятельному государственному существованию, пробудившееся у национальности, составляющей меньшинство в многонациональном государстве, но значительное большинство в какой-то части его. Но когда определенная территория отделяется таким образом от многонационального государства, она отделяется от него вместе со своими национальными меньшинствами. Вопрос об отделении глубоко затрагивает, поэтому, интересы всего населения, живущего на данной территории; и он должен поэтому решаться голосованием, в котором участвуют не только члены национальности, во имя самоопределения которой организуется голосование, но все взрослое население, живущее на данной территории. И обратно: не принимают участия в голосовании члены самоопределяющейся национальности, если они не живут на территории, об отделении которой идет речь.

Говоря конкретно: если бы происходило голосование для решения вопроса о выделении Украины в самостоятельное государство, к голосованию должно бы было быть привлечено все взрослое население Украины, как украинцы, так и миллионы не-украинцев; и, напротив, в голосовании не могли бы принять участия украинцы, живущие вне пределов Украины.

Словом, самоопределение национальности путем голосования, которое должно решить вопрос о ее самостоятельном государственном существовании, происходит на территориальной основе, а не в экстерриториальных национальных рамках. Правда, такое решение вопроса иногда с трудом воспринимается сознанием представителей стремящейся к самоопределению национальности и, вероятно, встретит критику, особенно среди украинцев. Может быть, бесполезно поэтому напомнить, что когда, незадолго до первой мировой войны, вопрос о территориальной или экстерриториальной автономии, как основе решения национального вопроса в России, был поставлен в русской печати, наиболее энергичным поборником решения вопроса на территориальной основе выступил (в «Русском Богатстве» за

январь 1913 года) профессор Михаил Грушевский, лучший председатель Украинской Рады.

Все это, казалось бы, бесспорно. Логически можно возразить против такой постановки вопроса только в одном случае: если принять идею массового **трансфера населения**: Украины для украинцев, но и украинцы со всей России для Украины. В ослеплении национализмом, может быть, кто-либо еще пять лет назад и готов был защищать такую постановку вопроса. После страшного опыта развала Индии, сопровождавшегося трансфером миллионов почти неслыханными страданиями, едва ли кто-либо решится отстаивать такое решение.

Изложенная выше аргументация может вызвать тревогу в среде национальностей, значительная часть которых была выселена со своей национальной территории или вынуждена была бежать за границу, как это имело место в **Эстонии, Латвии и Литве**. Но к этим трем республикам все сказанное выше вообще не относится. Их насильственное присоединение к Советскому Союзу, вопреки воле подавляющего большинства населения, у всех в памяти и еще долго не станет фактом, покрытым исторической давностью. Поэтому, в случае крушения коммунистической диктатуры эти три балтийские республики непосредственно вернуться к самостоятельному государственному существованию, а перед ними разве лишь впоследствии может встать вопрос о добровольном вступлении их в Российскую федеративную республику. Но это будет их собственная проблема, разрешение которой, если она возникнет, будет осуществлено в порядке национального законодательства (и, может быть, плебисцита) и не потребует международного контроля.

4.

Свободное голосование по вопросу об отделении предполагает свободу агитации и для сторонников, и для противников отделения. И эта свобода должна быть обеспечена мерами международного контроля. Но в некоторых кругах эмиграции нередко прорывается — обычно не формулированное открыто, но отчетливо сказывающееся — чувство тревоги, что уже самая постановка на голосование вопроса об отделении — тем более под международным контролем — как бы предвещает «раздел России»: в областях с преобладающим меньшинственным населением вопрос-де будет обязательно решен в пользу отделения. Это действительно может так и быть, если у самоопределяющихся национальностей сложится убеждение, что общероссийская демократия лишь в силу необходимости и в сущности прогив воли признала их право на самоопределение. На этой почве у меньшинственных национальностей может резко обостриться чувство национальной настороженности со всеми вытекающими отсюда тяжелыми для будущего демократической России последствиями. Но бороться с этим нужно не путем отказа меньшинственным национальностям в праве на самоопределение, а мерами смелой и последовательной демократической политики.

Одной из непосредственных задач этой политики должно быть смягчение очень распространенных в среде меньшинственных национальностей настроений глубокого недоверия ко всему русскому, в том числе и к ра-

сийской демократии. В основе этого недоверия лежит исторически и политически глубоко ошибочная мысль о принципиальной антагонистичности интересов русского народа и России в целом, с одной стороны, и интересов меньшинственных национальностей, с другой. Если бы эти интересы действительно были в основе своей антагонистичны, единственной альтернативой распаду России могла бы быть лишь удержание окраинных меньшинственных национальностей в рамках России мертами насилия. Российская демократия не может идти по этому пути, не подписывая себе смертного приговора.

Но наши перспективы далеко не так мрачны. Споры сепаратистские настроения среди многочисленных меньшинственных национальностей сейчас очень сильны, но коренятся они не в принципиальной антагонистичности интересов русского и других народов, живущих на территории Советского Союза, а в чем-то другом: настроения эти, как массовое явление, это — в основном примитивная форма протеста против невыносимого гнета коммунистической диктатуры.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, каковы были господствующие настроения среди тех же национальностей — украинцев, белоруссов, кавказских и тюркских народов — до возникновения большевистской диктатуры. Сколько-нибудь влиятельных групп, которые стояли бы за отделение от России, среди них не было вовсе. После февральской революции 1917 г. многочисленные общественные организации и политические партии, действовавшие среди национальных меньшинств, имели полную возможность открыто и свободно формулировать свои требования, но ни одна из сколько-нибудь значительных групп не шла при этом дальше требования о признании за теми или иными частями России права на автономию в рамках федеративной Российской республики.

Напомню, что даже среди украинцев мало-мальски значительного сепаратистского течения не было до конца 1917 года. И не только 1-ый и 2-ой универсалы Украинской Рады, опубликованные летом 1917 года, твердо стояли на почве территориальной автономии в рамках Российской федеративной республики, но даже и 3-ий универсал, опубликованный после Октябрьского переворота и возвестивший образование Украинской Народной Республики, в принципе оставался на почве признания государственной связи с Россией. Принципиальный сепаратизм пришел позже.

Еще поучительнее история провозглашения независимости Закавказья. Когда в ноябре 1917 года возникла организованная в Закавказьи краевая власть (Закавказский Секретариат), никто еще и не помышлял о независимости Закавказья. Закавказский Секретариат считал себя временной властью вплоть до созыва Всероссийского Учредительного Собрания. Разгон Учредительного Собрания и нависшая над Закавказьем угроза в связи с происходившими в это время переговорами в Бресте, во время которых Турция заявила претензию на Карс и Батум, вызвали созыв в феврале 1918 года Закавказского Сейма. Перспектива разрыва с Россией уже встала в это время перед руководящими политическими деятелями Закавказья, но разрыв этот мыслился лишь, как вынужденный акт. Характерно в этом отношении выступление во втором заседании Сейма (13-го февраля) депутата Г. В. Гвазавы, представителя грузин-

ских национал-демократов, самой правой грузинской партии, представленной в Сейме. Гвазава поднял вопрос об объявлении независимости Закавказья, так как иначе нет возможности вести с Турцией самостоятельных переговоров о мире. «Господа члены Сейма, — сказал этот представитель грузинских националистов, — если я это предлагаю, это не значит, что я против России, я сам и мы все получили образование в России, вся наша культура идет из России (!), но сегодня необходимость заставляет нас сказаться» и т. д. При обсуждении затем вопроса об объявлении независимости Закавказья грузинскими социалдемократами была оглашена в Сейме декларация, в которой подчеркивалось, что «Закавказская демократия вынуждена собственными силами добиваться разрешения выдвинутых российской революцией задач в полной уверенности, что организованные самостоятельные области, преодолевши анархию, совместными усилиями воссоздадут единство российской демократии». Грузинских с.-д. поддержали и представитель армянской партии Дашнакцутюн, говоривший о будущей «единой российской демократической федеративной республике», и представитель мусульманско-азербейджанской партии Муссават, выдвинувший перспективу «воссоздания России свободных свободных народов» в форме федерации.

Правда, с тех пор многое изменилось и не только в настроениях меньшинственных национальностей, но и в объективных условиях их существования. Некоторые из этих изменений в известной мере благоприятствуют движению в пользу отделения, другие, напротив, усиливают связь с Россией; обо всем этом нужно будет когда-нибудь поговорить подробно; в рамках настоящей статьи это уже невозможно. Но все эти изменения не настолько глубоки, чтобы в корне изменить исторически данные основы желательных взаимоотношений между народами, живущими на территории Советского Союза.

5.

В среде меньшинственных национальностей — особенно в эмиграции — положение, правда, оценивается иначе. Здесь широко пропагандируется мысль, что основная задача, стоящая перед этими национальностями, это не освобождение от сталинского деспотизма, а освобождение от связи с «Москвой». Не «Сталин», а «Москва» — вот главный враг. Мысль эта ни исторически, ни принципиально не оправдана и политически заводит в тупик: если «Москва» — извечный и наследственный враг, то и отделение от России не обеспечивает национальной свободы, так как и после отделения от нее тех или иных ее частей Россия останется неизмеримо сильнее выделившихся из нее государств, и государства эти, формально независимые, должны будут сами искать возможности стать «форпостом» — фактическим орудием — какой-либо великой державы или коалиции держав, враждебной России. Для национального и политического будущего новообразованных на границах России государств это трагическая перспектива. Благоприятные условия для политического, экономического и культурного развития этих государств, если эти государства возникнут, могут прочно сложиться только в обстановке дружественных, «добрососедских» отношений с демократической Россией.

Если это так, — а в демократических кругах меньшинственных национальностей мысль эта встречается большое число сторонников, — это обязывает к определенным выводам. И не только вопрос о «наследственном враге», но и в самой постановке вопроса об отделении. Точно так же, как группы, представляющие общероссийскую демократию, должны признать безусловное право меньшинственных национальностей на самоопределение и обязать подчиниться свободному голосованию по вопросу об отделении от России тех или иных ее частей, — и демократические группы меньшинственных национальностей должны заранее признать авторитет свободного народного голосования, быть готовы безусловно подчиниться принятому в порядке такого голосования решению и должны в своей собственной среде решительно бороться против мысли о замене свободного голосования — под международным контролем — созданием каких-то «совершившихся фактов».

**

П. БЕРЛИН

Двойной империализм

В советской России, как известно, диалектический материализм, сокращенно именуемый диаматом, представляет обязательное мировоззрение. Что такое этот диалектический материализм в понимании большевиков, понять невозможно. Философский труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» носит совершенно буржуазный характер, и несчастная советская молодежь выкуривает и выпаливает соответствующие места из Ленина и Сталина, как солдат перед начальством солдатскую грамоту.

Противников диалектического материализма Ленин отделяет такими словами: «Петухи Бюхнеры, Дюринги и комп., вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и др., не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма диалектики этого жемчужного зерна». Это ненавидимое жемчужное зерно диамата приходится вставлять, как смысл всей философии, не только на экзаменах по политграмоте, но и во все самые ученые и отвлеченные труды. В вульгарном выражении большевики сводят диамат к формуле Гераклита Темного: «Все течет, все изменяется», и, ополчая Гегеля, доказывают, что все и в природе, и в мышлении развивается по формуле: сначала положение (тезис), затем противоположение (антитезис) и наконец примирение (синтезис).

Если мы применим эту диалектическую формулу к развитию большевизма, то убедимся, что развитие большевизма совершалось по диалектической формуле: сначала были провозглашены великолепные тезисы — освобождение человека от всякой эксплуатации, самоопределение национальностей, упразднение армии, полиции, бюрократии и государства, всеобщее равенство. За громкими словесными тезисами тотчас последовали громкие фактические антитезисы — устранение всякой эксплуатации человека человеком превратилось в жесточайшую эксплуатацию 200 миллионов населения шестой части света Сталиным. Упразднение армии и полиции превратилось в создание такой огромной армии и полиции, каких свет не видал. Упразднение государства превратилось в создание государства, по деспотичности

Выше уже отмечалось, что национальный вопрос России не исчерпывается вопросом о праве той или иной национальности на отделение. Россия при всех обстоятельствах останется многонациональным государством. Как же разрешить национальный вопрос, как внутригосударственную проблему? Эта проблема встанет остро не только в будущей демократической России. Если образование новых государств путем отделения их от России станет фактом, та же задача встанет перед новообразовавшимися государствами, которые с самого начала своего существования столкнутся с проблемой национальных меньшинств, в частности с проблемой русского меньшинства. Обо всем этом в следующий раз.

От редакции: Изложенная выше концепция в основном совпадает с концепцией, нашедшей свое выражение в резолюции по национальному вопросу, выработанной специальной комиссией Лиги Борьбы за Народную Свободу и единогласно утвержденной Советом Лиги.

которого нет равного в истории, а по эксплуатации оно превзошло все самые ранние и жестокие времена капитализма.

Провозглашение тезиса о создании государства рабочих и крестьян сменилось антитезисом, когда крестьяне были превращены в государственных крепостных, а для рабочих был создан свод каторжных законов, приковывающих рабочего к фабрике, как каторжника к тачке.

Провозглашение тезиса об интернационализме, братстве народов, самоопределении национальностей сменилось фактическим антитезисом разжигания самого слепого и свирепого национализма и шовинизма отсталых народов и злобного беспощадного преследования народностей в России. Таков диалектический материализм советской власти, такова та «жемчужина», по выражению Ленина, которой большевики обладают, усвоив «диалектику». Знаменитые Овидиевы превращения ничто в сравнении с превращениями в свою противоположность всех советских первоначальных «тезисов».

По Гегелю, вслед за превращением тезисов в антитезисы должен был последовать синтезис. И его тихо и терпеливо ждали, на него уповали разные неизлечимые оптимисты. Но движение советской мысли и практики остановилось, застыло, умерло на антитезисе, на превращении в свою противоположность и ни малейшего движения в сторону синтезиса не обнаружило. Это по всей линии советской идеологии и советской практики. В этой статье я останавливаюсь на одной очень показательной и актуальной стороне этого диалектического превращения большевистских тезисов в свою противоположность. Я говорю об империализме. В число величайших заслуг Ленина, его вклада в марксизм, большевики вносят его «учение» об империализме. Ленин считается и читается Марксом «империалистического капитализма». Об этом имеется большая работа Ленина и множество статей большевиков. Если мы познакомимся с работой Ленина, то легко убедимся, что, если оставить в стороне крепкую фразеологию, она не представляет ничего существенно нового по сравнению с известной работой Гильфердинга «Финансовый капитал» и Гобсона «Эво-

люция капитализма». Ленин у них взял всю теоретическую структуру и, конечно, переделал ее на большевистский лад. Но не дав ничего нового по сравнению с Гильфердингом и Гобсоном в теоретическом отношении, книга Ленина просто устарела. Гильфердинг и Гобсон писали свои книги, когда империализм еще находился в наступательном периоде, Ленин же написал свою книгу об империализме, когда уже обнаружилось, что империализм вошел в период отступления и упадка. Гильфердинг рисовал картину завоеваний «финансового» капитала в колониальных странах, вывоза капиталов и вложения их в страны Африки и Азии и подчинения этих стран финансовому капиталу. Ленин же с запоздалым увлечением в крайне грубой и упрощенной форме изображал процесс покорения финансовым капиталом Азии и Африки тогда, когда этот самый капитал начал свое отступление. Еще ярче сказались это у Сталина и последователей Ленина. Н. Бухарин в статье «От крушения царизма до падения буржуазии» рисовал чрезвычайно кричащими красками захват мира английским империализмом. В подвалах английского банка, писал он, «плетутся сети империализма», и сам этот банк представляет «гигантского спрута», распустившего свои цепкие щупальцы по всему миру, задушившего многочисленные народы».

Этой картине империалистического «финансового» капитала, конечно, гораздо больше соответствует ныне коммунистическая Россия, чем «английский» банк, переживающий тяжелый кризис и спасающий остатки своих «финансовых капиталов» из огня поджигаемых большевиками волнений во всем мире.

Капиталистический мир, к сожалению, еще не изжил полностью свой империализм. Еще имеются его неликвидированные остатки. Но это именно остатки, находящиеся в периоде исторической ликвидации. Если вы просмотрите те иллюстрации капиталистического империализма, которые приводят Ленин и его последователи, то вы увидите, что как объекты этого империализма выставляются неизменно Китай, Индия, Мачжурия, Монголия. Но за это время все эти объекты либо стали совершенно самостоятельными государствами, над которыми европейцы не имеют никакой власти, как Индия, либо же сделались предметами действительно империалистического захвата, но только не капиталистического «финансового» капитала, несущего там огромные потери, а советского империализма, и не в «подвалах английского банка», как писал Бухарин, плетутся сети, захватывающие и пленяющие народы, а в тиши и мгле московского Политбюро.

Под оглушительный советский жаз о борьбе с капиталистическим империализмом идет спешное беспорядочное отступление капиталистических стран от занятых ими империалистических позиций и бурное наступление советского империализма. И тут мы имеем все ту же любопытную диалектику, все то же превращение в свою противоположность. Из тезиса борьбы с империализмом большевики сделали антитезис безудержного советского империализма и на этом почивали.

Русский империализм всегда отличался от европейского тем, что страны, которые он охватывал и покорял, не были, за отдельными исключениями, отделены от метрополии морями, горами и вообще границами. Русски империализм проглатывал новые страны, вво-

дил их в свою территорию, не отделенную никакими границами. Вследствие этого, основные страны, захваченные русским империализмом, не представляли собственно колонии, а входили составной частью в территорию империи, сливались с нею. И уже Ленин в предисловии к новому изданию своей книги, вышедшей после февральской революции, указывал на то, что первое издание книги появилось еще в царское время, и он должен был из-за цензурных соображений говорить об империализме, ссылаясь на примеры Японии, захватившей Корею, и опасаясь говорить о России. Но теперь, после революции, он может полным голосом обличать уже не японский, а русский империализм.

Теперь, писал в этом предисловии Ленин, «внимательный читатель легко подставит вместо Японии Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселенные области».

Тогда, в дни февральской революции, эти негодующие слова Ленина звучали решительным тезисом провозглашения освобождения народностей от всякого русского империализма, причем под этот империализм Ленин подводил и всякий захват «не великороссами заселенных областей». И февральская революция многим из поименованных «областей» предоставила полную государственную самостоятельность, которую и большевики долгое время должны были признавать.

Но что стало теперь с этими «областями», населенными самостоятельными народностями? Насильственное присоединение этих народностей Ленин называл империализмом, но советская власть не только проглотила многие из них, но еще прибавила многие и многие народности в Европе и Азии. Площадь империализма советского крайне разрослась в сравнении с царским. А самый империализм принял несравненно более свирепый и истребительный характер. Никогда при царской власти не выселяли целые народности с веками насиженной земли в гиблые для них места Сибири.

Но этим одним дело не ограничилось. Советский империализм — и в этом его особая примета, — так сказать, обратился внутрь, он не только проглотил целые народности и не только для всех них провозгласил доктрину единого и неделимого Сталина, но и применил все качества империализма и по отношению к коренному, основному населению России, к крестьянам. Ведь если из «учения Ленина об империализме извлечь натканные перья учености и неуместные цитаты из Маркса, то обнажится суть империализма, сводящаяся к тому, что сильные армией и флотом цивилизованные страны подчинили своей силе отсталые колониальные народности и подвергали их эксплуатации. Эксплуатация эта сводилась к тому, что экономисты называют неэквивалентность обмена. Проще говоря, сильные государства отбирали у отсталых колониальных народов природные богатства, захватывали их земли, забирали меха, слоновую кость и ценные металлы, а в обмен давали низкопробные и дорогие европейские товары или опиум, или водку.

Но если мы с точки зрения этого империалистического обмена или, вернее, обмана колониальных народов подойдем к рассмотрению того же неэквивалентного принудительного обмена, который советская власть, как постоянный режим, установила между крестьянст-

вом и государством, то перед нами проявятся с наглядностью все характерные черты империализма в его самой грабительской форме. Весь принудительный экономический обмен между деревней и государством построен в России целиком на «империалистическом» начале снабжения крестьян втридорога фабрикатами государственной промышленности и отбирании в обмен у крестьян продуктов их тяжкого труда по чрезвычайно низким ценам. Вследствие этого, баланс экономического отношения между деревней и государством в Советской России удивительно напоминает баланс взаимоотношений между капиталистическими странами и колониальными народами в эпоху самого расцвета империализма в его самой хищнической форме. А вместо опиума тут выступает государственная монополия водки.

Когда в Советской России коммунистам еще разрешалось обсуждать свободно экономические вопросы, наиболее независимые из них вынуждены были признать этот внутри-империалистический характер советской государственной экономики, или, как некоторые из них предпочитали выражаться, «феодалный» характер отношений между государством и деревней.

Талантливый советский экономист Е. Преображенский и в своей книге о «Бумажных деньгах в эпоху пролетарской диктатуры», и в своей интересной статье «Хозяйственное равновесие в системе СССР», напечатанной в «Вестнике Коммунистической академии», и в своих выступлениях все время возвращался к вопросу о «неэквивалентности» обмена деревенских продуктов и государственных фабрикатов. Чрезвычайно высокие цены на фабрикаты и невероятно низкие цены на все сельскохозяйственные продукты, насильственно и произвольно устанавливаемые советской властью, создают то, что, по-ученому выражаясь, Преображенский называет неэквивалентностью, а Троцкий, выражаясь простым и ясным языком, назвал «ножницами», с помощью которых советская власть стрижет крестьянство наголо. Прибыль советского хозяйства, его прибавочная ценность получают путем жестокой эксплуатации и крестьян, и рабочих. «Большая, подумай, заслуга, — писал Преображенский, — иметь прибыль при теперешних накидках, которые с точки зрения накидок в хорошо организованной капиталистической торговле Европы считаются прямо сказочными или, вернее сказать, сверхскандальными». При советской экономической системе, говорит советский экономист Преображенский, государство властно вмешивается в товарооборот между крестьянином и государством, «подпускает своего бумажного яда в каналы обращения и, не принеся никаких товарных ценностей на рынок, уходит с рынка с товарными ценностями». С помощью этой хитрой механики, налогов на оборот, инфляции, «ножниц», советское государство по отношению к русскому крестьянству хозяйничает по всем правилам самого раннего империализма по отношению к колониальным народам. И со-

ветский экономист это признает и прямо говорит о колониях, как «колонии» для советской власти, взвешивая строить в пожарном порядке социализм в беднейшей отсталой стране, с огромным преобладанием крестьянства в составе населения.

Этот же вопрос об эксплуатации крестьян так, как империалисты эксплуатировали колонии, был вынесен и правой оппозицией на пленуме ЦК в апреле 1929 года. Тогда еще оппозиция, г. о. в лице Бухарина, могла настаивать, а не отсиживать свои мнения, и тогда Сталин отвечал оппозиции не пулей в затылок, а лживыми фразами и фальсифицированными данными. Бухарин тогда прямо бросил в лицо сов. власти, что она взывает татарскую дань с крестьян, занимается «феодалной» эксплуатацией. Рассвирепевший, но растерявшийся Сталин заявил: «Не дань, а нечто вроде дани» (Сталин. Соч. т. 12, стр. 50). Да ведь и самые мажорные капиталисты готовы были признать, что в колониях они взимали не дань, а «нечто вроде дани»...

Еще один любопытный штрих к характеристике империалистического характера советской власти по отношению к населению. Империалистов обвиняли в том, что они везут в колонии водку, спаивают население и наживаются на этом огромные деньги. Ленин обрушивался на царское правительство за монополию водки. «Я думаю, — писал он, — что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед, к коммунизму». (Соч., т. 18, стр. 255).

Таков совершенно определенный тезис. А затем, через несколько лет у Сталина последовал антитезис: «Водка есть зло», заявил Сталин в беседе с иностранной делегацией, смущенной тем, что коммунистическое правительство спаивает народ. Но, продолжал Сталин, «сейчас водка дает более пятисот миллионов рублей дохода, отказаться сейчас от водки, значит, отказаться от этого дохода». Таков сталинский антитезис ленинского тезиса. И тут диалектическая Улита не доползла до гегелевского синтеза и успокоилась и опочила на антитезисе коммунизма.

Мы видим, что по всей линии советская власть не только захватывает чужие народы и области и ведет самую напористую империалистическую внешнюю политику, но и в своей внутренней экономической политике воспроизводит по отношению к крестьянству стороны самого эксплуататорского и жестокого империализма. Не только внешняя политика советской власти, но и ее политика по отношению к крестьянству носит ярко выраженные черты империализма, и злосчастное русское крестьянство представляет для советской власти то же, что колонии для раннего капиталистического империализма.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА 1951-й ГОД!

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Подписную плату надлежит переводить почтовыми переводами или чеками на Нью-Йорк, выписывая их на имя «The Socialist Courier».

ЛУИ КОРЕИ

ВОЙНА, КАК ОРУДИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Коммунистическая военная агрессия в Корею вновь показала, что война является одним из элементов советской политики мировой революции и завоевания мира. Мысль о войне, как орудии распространения коммунизма, впервые была выдвинута Лениным и с годами она получила повсеместное признание среди коммунистов.

Ленин писал, что война и гражданская война являются двигателями революции, так как только насильем можно свергнуть капитализм и установить «диктатуру пролетариата». Пользование методом насилия **внутри** нации приводит после захвата власти коммунистами к пользованию тем же методом и **вовне**. Эта концепция сложилась отнюдь не как реакция на интервенцию и «окружение»: Ленин выдвинул ее еще за год до прихода к власти в статье «О лозунге разоружения» в «Сборнике Социалдемократа» (1916 г.). Ленин решительно выступил в этой статье против лозунга разоружения, противопоставив ему лозунг «вооружения пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию»:

«Лишь после того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат несомненно сделает это, но только тогда, никоим образом не раньше».

Но это далекая перспектива. Пока же «победа пролетариата в одной стране» означает — войны.

Зимой 1918-19 года Ленин начал применять свою теорию на практике, попытавшись — без успеха — с помощью военной силы навязать коммунистическую диктатуру Финляндии (Сталин повторил этот опыт в 1939 году).

Международный коммунизм принял ленинскую политику распространения революции с помощью войны. На западно-европейской конференции только что возникшего Коминтерна, состоявшейся в начале 1920 года в Амстердаме, я сам от имени Американской компартии предложил резолюцию, призывавшую польских солдат, крестьян и рабочих не оказывать сопротивления вторжению Красной Армии, а приветствовать ее приход и образовать польское советское правительство и польскую Красную армию, чтобы нести революцию дальше, за границы Польши. Организатор конференции, правда, предложил мне снять эту резолюцию, так как русские товарищи, в принципе с нею согласные, не считают принятие ее политически целесообразным.

Позже, когда я беседовал с Лениным летом 1920 г., он согласился с моей резолюцией. Без насилия не может быть революции против капиталистических эксплуататоров; а если вы применяете насилие против наших собственных капиталистов, почему же не воспользоваться военной силой пролетарского государства **против капиталистов, господствующих в других странах, и сломить их господство?** Красная Армия, — добавил Ленин, — является локомотивом и защитницей революции. И он иллюстрировал эту мысль указанием на имеющийся уже опыт Красной Армии, которая как раз в это время шла на Варшаву, чтобы совершить революцию в Польше.

Ленин поставил себе задачей создание польского советского правительства с его собственной армией, после чего соединенные красные армии двинутся на Запад, в Германию и дальше, в качестве орудия обще-европейской революции. Возражавшим ему, — а тогда политика эта еще встречала в коммунистической среде известную оппозицию, — Ленин говорил: «Мы были бы не только глупцами, мы были бы преступниками, если бы мы обязались никогда не совершать актов, которые в военно-стратегическом смысле могли бы быть признаны агрессивными».

«Революционное» использование агрессии закончилось в 1920 году — против Польши — неудачей. Но в следующем году советское правительство с успехом прибегло к агрессии, чтобы свергнуть социалистическое правительство Грузии.

Ленинская концепция войны, как орудия политики коммунистической экспансии, была принята и Сталиным, который еще в начале двадцатых годов писал: «Задача нашей стратегии — выиграть время... пользоваться конфликтами в лагере империалистов, чтобы деморализовать силы врага, и накапливать силы, чтобы позже перейти в наступление». Опять-таки в согласии с Лениным, Сталин в 1923 году, на 12-ом съезде компартии, решительно настаивал на признании необходимости применения военной силы для осуществления целей властвования, не считаясь при этом с правами национальностей. При этом Сталин сослался на поход Красной Армии в 1920 году на Варшаву:

«Бывают случаи, когда право (национальности) на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, — это нужно сказать прямо, — право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 году, когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву».

Эта концепция сделала психологически и политически возможным для Сталина заключить в 1939 году соглашение с гитлеровской Германией, явившееся для Гитлера сигналом начать 2-ую мировую войну. В согласии со стратегией «выигрыша времени» и использования конфликтов в лагере врагов для накопления сил и перехода в наступление «позже» — политика Сталина сводилась при этом к следующему: пусть нацистская Германия и западные государства воюют друг с другом, истощают и истребляют друг друга; в подходящий момент Красная Армия пойдет в Европу, чтобы совершить коммунистическую революцию.

В этой концепции мысль о переходе в наступление лишь «позже» имела подчиненное значение. Если это оказывалось возможным, Сталин не откладывал наступление. И уже в 1939 году советские войска кооперировали с войсками Гитлера в деле разгрома Польши; позже, в том же году они вторглись в Финляндию, и в то же время Советский Союз оказывал Гитлеру активную поддержку в его усилиях разгромить западные го-

сударства. Сталин вновь начал говорить о «сотрудничестве», «коллективной безопасности» и «мирном сосуществовании» лишь после того, как Гитлер напал на Советский Союз.

Другими словами: согласно коммунистической теории и практике, коммунистические военные силы должны быть использованы для насаждения коммунизма **во время и после войны**. Это и случилось в Северной Корее и Восточной Германии. Многие предвидели это развитие почти с момента вступления Советского Союза в войну и предостерегали против опасности, которая будет грозить со стороны Советского Союза после войны. В декабре 1942 года я писал в «Антиок Ревью»:

«Россия в лице Сталина приняла требования Атлантической Хартии. В речи своей в ноябре (1942 г.), посвященной двадцатипятилетию большевистской революции, Сталин несколько модифицировал Хартию. В этой речи он заявил, что хотя задачей Красной Армии и является разгром гитлеровской армии и ее вождей, но "у нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии". Эта поправка к Хартии может быть опасна, если Сталин имеет в виду организацию германской красной армии, которая совместно с русской красной армией будет вершить судьбы Европы... Надо помнить, что идея мировой революции неотделима от коммунизма и что идея эта включает и использование красной армии для расширения плацдарма революции».

С помощью Красной Армии коммунистические правительства были навязаны Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и Восточной Германии. В Чехословакии хотя и не было советских войск, но их близость парализовала сопротивление захвату власти коммунистическим меньшинством. В Китае и Корее основная милитаристская нота в политике коммунистической экспансии сказалась еще отчетливее.

Вера в войну, как орудие революционной политики, так глубоко проникла в коммунистическое сознание, что китайские коммунисты предпочитают с помощью оружия пытаться пробиваться в Объединенные Нации и силою насаждают «революцию» в Тибете. В свою очередь и компартия Советского Союза в последнее время опять не раз высказывалась в пользу насаждения коммунизма с помощью внешней силы. Так, в одном из заявлений, связанных с разрывом с Тито, ЦК ВКП, вспоминая о помощи, которую Красная Армия оказала партизанам Тито, заметил: «К сожалению, советская армия не оказала и не могла оказать такой помощи французской и итальянской коммунистическим партиям».

Теория и практика войны, как орудия коммунистической экспансии, представляют очень большую опасность. Но теория эта таит в себе еще и другое: иностранные коммунисты убеждены, что они не могут

прийти к власти без войны, гражданской войны и военной интервенции со стороны Советского Союза. Они знают, что только в России, в 1917 году, коммунисты одержали победу без помощи извне; во всех остальных случаях коммунистическая победа оказалась возможной лишь благодаря советской военной поддержке. И они знают, что со времени наибольшего подъема влияния коммунизма, в 1945-46 годах, всюду влияние коммунизма упало настолько, что компартия не может и мечтать и мирном приходе к власти. Потери в числе членов партии с 1946 по 1950 год достигли 29 процентов во Франции, 31 процента в Италии, 33 процентов в Англии и Западной Германии и даже 65 процентов в Бельгии и Норвегии. Коммунистическое влияние в профдвижении сломлено или резко ослаблено всюду в Европе — от Финляндии и до Франции и Италии. Об этом упадке коммунистического влияния в рабочем движении особенно убедительно свидетельствует неудача всех попыток организовать саботаж выгрузки военного снаряжения, доставляемого из Америки в страны, объединенные Атлантическим пактом.

Попытки эти лишь одно из проявлений упорного сопротивления коммунистов политике восстановления военной мощи западных государств. В этом есть система, создавшая уже определенную психологию. И когда в итальянском парламенте министр обороны Рандольфо Пачарди прямо поставил коммунистам вопрос: «Если завтра Россия нападет на Италию, будете ли вы воевать против России?», — коммунисты с негодованием хором ответили: «Никогда».

Эти настроения получили широкое распространение в коммунистической среде. Очень отчетливо выразил их видный французский коммунист Вальдек Рошэ на конференции коммунистического актива в Лиможе в октябре 1950 года:

«Вы спрашиваете: Почему Советский Союз не интервенирует в Корее? — Вы правы, это действительно привело бы к тому, что американцы были бы выброшены в море. Но это означало бы также начало 3-ей мировой войны, которая в **настоящий момент** противоречит мирной политике Советского Союза. Год мира, это год, который будет использован для максимального усиления Советским Союзом его армии и армий народных демократий. Для того, чтобы обеспечить это усиление мощи Советского Союза и народных демократий, мы должны активно продолжать нашу пропаганду в пользу мира. Это движение в пользу мира подорвет силы империалистов, отсрочит начало войны и обеспечит разгром наших врагов. Советский Союз сам выберет подходящий для этого момент».

Так коммунистическая пропаганда мира является лишь прикрытием для более успешного проведения коммунистической экспансии методом войны.

Социалистический Вестник!

В Париже он продается в Доме Книги,
в магазине Сияльской, в Возрождении,
у Объединенных Издателей, у Офени, в «Каме»

Р. АБРАМОВИЧ

Новая программа Интернационала

Печатаемый в этом номере проект программы демократического социализма, выработанный программной комиссией КОМИСКО, уже по своей конструкции сильно отличается от старых программ, в частности, от программы, принятой РСИ на Гамбургском съезде в мае 1923 года. В ней совершенно отсутствует так наз. идеологическая вступительная часть, — та часть, в которой обычно давался широкий анализ и основ капиталистического общества, и международной обстановки, и проблем самого рабочего движения на данной стадии. Ничего этого нет в том проекте, о котором мы говорим. Но было бы неправильно сказать, что проблемы программы и тактики международного социализма обойдены в тех на вид столь кратких и как будто чисто-практических тезисах, из которых составлен проект новой программы. Нет, они поставлены, и на них дан ответ. Но не в форме социологического трактата, крайне концентрированного и по необходимости краткого, а в форме отдельных тезисов по отдельным разделам, на канве, связанной внутренне как будто только планом тематическим: демократия политическая, демократия экономическая, демократия социальная и демократия интернациональная. Вместо социологического и социально-экономического анализа современного общества, дано введение о неразрывной связи между социализмом и демократией. И в этой связи дается новое определение социализма, и — преимущественно на основе опыта английского рабочего движения, — дается новая концепция задач демократического социализма во всех областях общественной жизни.

Совершенно естественно, что в проекте достаточно места уделено и важным проблемам, которые ставит перед демократическим социализмом эксперимент советского большевизма. Ни одна социалистическая партия и ни одно социалистическое движение в мире не может себя утвердить, не заняв определенной позиции в отношении к большевизму и мировому коммунизму. Каждая социалистическая партия и каждый отдельный социалист должны открыто и публично определить свое отношение к большевизму и к Советской России.

Было время, когда часть социалистических партий принципиально отказывалась занять ту или иную позицию по отношению к русскому большевизму. Позиция некоторых партий, как, напр., британской, сводилась к лозунгу: «Руки прочь от Советского Союза».

Историческое происхождение этого лозунга известно: он был создан в эпоху британской интервенции в России, и единственное, чем британские социалисты могли тогда ответить на политику консерваторов, направленную против русской революции, а частью и против России, была, естественно, политика невмешательства. Советская революция, однако, вскоре стала вырождаться под влиянием своих внутренних процессов, из утопической революции все более превращаясь в победоносную реакцию особого типа. Между тем, британский социализм так и остался на позиции 1919-1920 г. г. Другими словами, британский социализм уклонился от анализа большевистского «эксперимента» и тем самым исключил себя из числа идейных и политических факторов,

влияющих и на развитие Советской России, и на эволюцию мирового коммунизма. Примеру британской партии следовали и некоторые другие социалистические партии, которые шли даже еще дальше и, несмотря на все свое отрицательное отношение к эксцессам большевистского террора и на свое публичное и довольно суровое осуждение этих эксцессов, — так до самой войны и продолжали поддерживать иллюзии своих рабочих о том, что октябрьская революция все же по существу является завоеванием и победой для международного социализма. (Наиболее ярким примером этой двойной бухгалтерии явилась позиция соц. партии Австрии).

Как радикально все это изменилось в послевоенной обстановке, когда первые иллюзии 1945-1947 г. г. рассеялись! И эта перемена нашла свое отражение в новой программе.

**

Большевизму и коммунизму в ней уделяется много места. И мы с удовольствием констатируем, что в этой программе проблема большевизма и советской диктатуры в духе того подхода, который российские демократические социалисты не уставали развивать в Интернационале и во всем международном социализме.

Тезисы 7, 8 и 9 первого раздела проводят непреходимую грань между коммунизмом и демократическим социализмом. Советский коммунизм, — говорится в тезисе 9, — «не является политическим движением рабочего класса, — он является инструментом империалистического государства), построенного на военной бюрократии и террористической полиции, с системой хозяйства, все больше и больше отгораживающейся на возвращение к рабству. Везде, где коммунизм приходит к власти, он уничтожает свободу и даже самую возможность борьбы за свободу».

«Начиная с большевистской революции в России, интернациональный коммунизм расколол сначала международное рабочее движение, а затем и весь мир». «Коммунизм ссылается на традиции, которые у него общие с социализмом, но он эти традиции изуродовал до неузнаваемости».

Другими словами, между коммунизмом и социализмом нет ничего общего, даже традиций. И в дальнейшем, противопоставление коммунизма социализму проходит красной нитью через все тезисы программы.

**

Программа эта написана не так, как писались когда-то программы русские. Она вся сформулирована в ряде кратких тезисов, больше похожих на утверждение, на прокламирование символа веры, чем на рассуждение. В них мысль не доказывается, а декларируется, как нечто бесспорное.

Эта англо-саксонская манера писания тезисов для русского читателя вещь непривычная. Но если вчитаться и вдуматься в каждый тезис, то их совокупность дает точную и законченную концепцию, не менее убедительную, чем если бы она была написана по старому континентальному или русскому образцу.

Мало того: все спорные вопросы, которые так долго волновали, а порой и разделяли международный социа-

лизм, там нашли свое отражение, а иногда и разрешение. Я уже упомянул, что на новую программу Интернационала сильный отпечаток наложил опыт британского рабочего движения и вся его идеология, очень далекая от континентального марксизма (немецкого, австрийского, русского и др.). Тем не менее, когда читаешь раздел 1 — социализм и демократия, — тогда убеждаешься, что в нем нашли свое отражение ряд положений, которые мы до сих пор привыкли связывать с марксистским подходом к социализму.

В тезисе № 1 первого раздела указывается, что система капитализма, развив огромные производительные силы, в то же время поставила право собственности выше прав человека и создала новый класс наемных рабочих, лишенных в начале всяких социальных прав, и тем сделала классовую борьбу неизбежной.

Приняв, таким образом, марксистскую идею о неизбежности классовой борьбы в определенную эпоху развития, программа затем ограничивает роль классовой борьбы для нынешней эпохи. Социализм прежде всего охватил класс наемных рабочих, «так как от присущих капитализму недостатков страдали прежде всего наемные рабочие», но программа тут же прибавляет, что «сейчас и другие общественные группы, крестьяне и рыбаки, люди свободных профессий и конторские служащие, ремесленники и мелкие торговцы, художники и работники науки стали понимать, что социализм и для них является путем к лучшему будущему».

Классовое движение промышленных пролетариев растворяется в общечеловеческом стремлении всех трудовых слоев к построению нового общества на основах солидарности, сотрудничества и социальной справедливости, без эксплуатации человека человеком.

Определив, таким образом, всенародный характер социалистического движения, программа подчеркивает, что социализм означает не только стремление к новому экономическому строю, основанному на началах коллективной собственности и потому более способному к планированию и большей рационализации производства, но и к строю социального прогресса в том смысле, что он способствует увеличению суммы счастья и свободы человеческой личности. «Социализм стремится к достижению не только экономических и социальных благ, но и моральных и психологических ценностей».

Социализм стремится к реализации своих целей мирным путем, без насилия. Он мыслит себе путь к социализму на основе поддержки его целей и идей все растущим большинством населения. Социализм сможет быть осуществлен только тогда, когда народные массы своим свободным демократическим волеизъявлением приведут к власти социалистические партии. Но и придя к власти, социалисты сохраняют всю систему политической демократии, лишь дополнив ее демократией хозяйственной и социальной. Для них социализм без демократии невыносим и невозможен. И для них демократия — не только господство большинства, но и обеспечение прав меньшинства, т. е. сохранение и дальнейшее развитие всей той суммы политических и личных прав, без которых демократия не может функционировать, и правление большинства может превратиться в деспотию.

***

К спорным вопросам, вызванным в особенности начальным опытом большевизма, относится проблема национализации. В западных странах создается впечатление, что всякая национализация промышленности и формах огосударствления необычайно усиливает мощь государства, т. е. правительства, и тем самым подготавливает почву для развития диктатуры и полицейского государства. Когда Черчилль выступил против Этли накануне выборов 1945 г., он предупреждал Великобританию, что, хотя социалисты субъективно стремятся к демократической форме социализма, они, не желая того, все же приведут страну к господству Гестано (в этот период государственные люди Запада еще избегали говорить о ГПУ). На самом деле опыт большевизма тут не причем. В России не национализация привела к диктатуре, а как раз наоборот: там с самого начала, еще до всякой национализации, возникла диктатура, и только потом эта диктатура провела национализацию по-своему, по-диктаторски, путем насилия и без всякого внимания к интересам народа, трудящимся и человеческой личности.

Но даже если отрешиться от опыта большевизма, то нельзя отмахнуться от указания, что сосредоточение слишком большой экономической власти в руках центрального правительства может в известных условиях сильно увеличить власть государственного аппарата и, в частности, центральной бюрократии.

Для того, чтобы ослабить эту опасность, наличие которой неоспорима, новая программа Интернационала настаивает на том, что национализация, т. е. передача средств производства в руки государства, не является **единственной** формой обобществления. Возможно и нужна муниципальная собственность, областная, краевая, возможно обобществление и в форме свободных кооперативов производителей или потребителей. Параллельно возможны, наконец, и частные формы собственности, например, в сельском хозяйстве, в ремесле, в мелкой торговле, в мелкой и средней промышленности. Но, что самое главное, даже государственная собственность и государственная промышленность должны, по мнению программы, считаться **социалистическими** только в том случае, если они ставят своей целью (и практически проводят) — как уже указано выше — не только экономическую или производственную рационализацию, но и увеличение благополучия народных масс и повышение их уровня жизни. Ибо основным мерилom социализма является в конечном счете человек, а не тот или иной строй сам по себе. Не человек для субботы, а суббота для человека.

Именно для того, чтобы обобществление и необходимое огосударствление не привело социализм в противоречие с указанными выше задачами, программа настаивает на том, чтобы в строительстве социализма непременно принимало участие, на началах демократии, равенства и свободы, — само население страны, которое для этой цели может объединяться в не-государственные, частные, добровольные и свободные союзы. Децентрализация власти, в том числе и экономической, широкое развитие свободной кооперации, самоуправления и самодеятельности являются необходимым противовесом против опасности бюрократизации обобществленного хозяйства.

Мы коснулись выше только некоторых основных вопросов нового демократически-социалистического подхода к проблемам социализма. В этом проекте чувствуется большая политическая и моральная зрелость, большой и богатый политический опыт, накопленный за полвека практической работы, успехов и неудач, побед и поражений.

Много лет тому назад в одной из своих наиболее блестящих речей Эмиль Вандервельде сравнил социалистическое движение с рекой, которая начинается высоко в горных ущельях Альп и низвергается вниз каскадами и бурным потоком. Но чем больше река спускается в долину, чем шире раздвигаются ее берега, чем большее количество воды она несет, тем тише и спокойнее становится ее течение.

Если бы Вандервельде сегодня пришлось произносить эту речь, он должен был бы указать, что в какой-то момент от этой реки отделился особый рукав, который потек в сторону, разрушая на своем пути города и села, топя десятки и сотни тысяч людей, неся смерть и разрушение, не оплодотворяя поля и пространства, а их затопляя и делая бесплодными.

Большевизм из революционной утопии превратился объективно в наиболее реакционную в мире общественную силу. И чем революционнее звучат его лозунги, тем анти-социальнее он на самом деле.

Демократический же социализм из стадии «горной речки», бьющей каскадами и с шумом пробивающей себе дорогу среди скал, превратился в широкий поток всенародного движения, идущего к безбрежным горизонтам.

Из утопического демократический социализм стал реалистическим. Из революционного — реформистски-демократическим, но без ограниченности горизонта, присущего буржуазным реформаторам. Из классового движения демократический социализм стал общенародным, национальным. Как правильно отмечает программа, социализм не только в странах старого мира стал руководящей и единственной прогрессивной силой, смотрящей не назад, а вперед, — но и в странах Азии и Нового Света, где теперь колониальные, полу-колониальные и вообще отсталые народы становятся на путь экономического и социального развития, — социализм является наиболее творческой, наиболее национальной и руководящей силой повсюду — от Бурмы и Индии до Индонезии и Израиля.

Беженцы из советского рая, где людей в течение вот уже трети века кормили камнями, уверяя их, что это социалистический хлеб, думают, что они лучше всех знают, что такое «социализм». Не зная Европы, не зная вообще внешнего мира, — о котором им десятки лет под прикрытием железной завесы давали совершенно извращенную и ложную картину, — бывшие подсоветские граждане, приехавшие за границу с рефлексом от-

талкивания от слова «социализм», быстро переняли из реакционной староземлианской печати идею о «падении» силы и мощи социализма в странах Запада. Они склонны переоценивать временные неудачи социалистов, ибо в их душе все еще живет большевистское представление о том, что поражение на выборах, потеря части голосов или уход из министерства непременно означает «гибель» и «падение». Так это действительно бывает в тоталитарных странах. Там, тот, кто выпустил власть из рук, безвозвратно погибает. Там не знают оппозиции, которая возвращается к власти, ибо там не знают демократического процесса образования или перемены правительства мирным, парламентским путем. Но в демократических странах партии то приходят к власти, то ее теряют, то выигрывают на выборах, то проигрывают. Но ни один этап не является конечным, ибо демократический процесс непрерывен, и в нем нет конечной остановки.

Социалистические партии являются господствующими в Скандинавии и Великобритании, совершенно независимо от того, будут ли напр., социалисты на ближайших выборах иметь на две дюжины депутатов больше или меньше, чем консерваторы: британский народ явно разделен на две равные половины с небольшим перевесом в одну или другую сторону. Но при всей неопределенности большинства, социальный строй будущей Великобритании уже окончательно предопределен теми необратимыми и неустраняемыми реформами, которые проведены при поддержке большинства народа Рабочей партией. Но и во Франции, в которой правая эмигрантская печать уже давно похоронила социалистическую партию, последняя все еще на выборах 17-го июня получила полтора миллиона голосов, 15% всех поданных голосов, увеличив число своих депутатов в парламенте с 99 до 103.

Старое поколение, начавшее свою социалистическую деятельность полвека или больше тому назад, себе не так представляло ход развития и мира, и социализма, как оно на самом деле произошло. Многого не предвидели, во многом ошиблись, многое не так понимали и делали. Но общественные движения не технические процессы, которые по математическим, техническим и химическим формулам должны точно предусмотреть все фазисы производства. Общество больше всего похоже на организм, и процессы его развития или эволюции недостаточно изучены и слишком сложны, чтобы можно было предвидеть и предсказать, — мало того, чтобы ими можно было обладать сознательной волей так, чтобы процесс протекал по предусмотренному плану. И все же, демократический социализм доказал свою живучесть и свою способность к развитию и расширению. Больше того: он сейчас является основной силой, ведущей за собою наиболее передовую часть современного человеческого общества в направлении социального прогресса. Доказательством этому является и новая программа Интернационала.

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК»

Давно пора остановиться на одной особенности послевоенного периода. Действительность не оправдала надежд, которыми питались миллионы советских граждан во время войны. Под гром салютов военной победы померкли «больших ожиданий огни», все оказалось

...горше, обидней, иначе, —
навыорот, наоборот.

«Обидней» и «наоборот» пошло и развитие послевоенной литературы. Было в советской беллетристике нечто, что поражало больше, чем новые темы и новая трактовка явлений: изменился самый язык произведений, в нем появились слова, давно, казалось бы, сланные в архив, как «человек», «милосердие», «сострадание». Этот новый словарь в сочетании с новым главным героем повестей и рассказов — беспартийным человеком из народа — усиливали впечатление какого-то разрыва со всей линией довоенного литературного развития. Разрыв этот воспринимался тем острее, что до войны советские публицисты в течение ряда лет вколачивали в головы читателей, что за время революции в стране выросли новые люди, живущие по законам какой-то ноой, прежде неведомой «советской морали». Огненным языком войны все это было слизано в первые же недели и месяцы страшной катастрофы и, как в старинных палимпсестах, из-под смытых текстов выглянули начертания более древнего оригинала.

Трудно переоценить значение перемен, наблюдавшихся в военной литературе. В то время как отступление Красной армии и оккупация значительной части территории порождали в писателях растерянность, возвращение к забытым словам наполняло их какой-то почти нескрываемой радостью, которая пробивалась сквозь самые трагические описания отступления, эвакуации и страданий. Что-то в этой внутренней радости было сродни чувству освобождения духа. Этот праздник освобождения духа длился, однако, недолго. Как только наметился перелом на фронте, в художественной литературе второго периода войны началась ре-эвакуация довоенных героев с их семьями и родственниками, вернулись и прежние советские словосочетания.

Только учитывая радикальность разрыва с довоенным развитием, можно понять жестокость и длительность расправы с писателями во время чистки 1946-1948 годов. Несмотря, однако, на ее жестокость, не все тайные «точки» сопротивления были выявлены и подавлены, и послевоенная беллетристика — пусть в еще более робкой форме — все же продолжает свидетельствовать о том, что что-то сдвинулось в мироощущении советских современников.

Свидетельства советских писателей усилены в последние годы новым фактором, над которым бессильна советская цензура. Речь идет о появлении беллетристики молодой советской эмиграции. Многие десятки тысяч советских людей, волей событий очутившиеся в Европе и не пожелавшие возвратиться на родину, успели за

короткий промежуток времени — меньше одного десятилетия — создать свою литературу.

Художественная ценность стихов, рассказов и романов советской эмиграции неодинакова, а иногда и спорна. Но ведь художественно не так уж значительны были и первые вещи «Сергионовцев». Это не помешало читателям верно почувствовать их общественное значение. В меньшей степени этот критерий применим к произведениям так называемых «диплийских» писателей. Среди созданных ими произведений широкий и заслуженный отклик уже получили стихи Ивана Елагина («По дороге оттуда», «Ты, мое столетие»), рассказы трагически погибшего три года назад Евгения Гагарина, литератора-эмигранта более раннего периода, как-то включившегося в диплийскую литературу («Звезда в ночи»), роман Сергея Максимова «Денис Бушуев» (он уже переведен на немецкий и английский языки), роман-эпопея «Блокада» Анатолия Дара. И странное дело — этим, очень разным по своему темпераменту и темам писателям — свойственно нечто общее: все они страстно заинтересованы в душе человека, точнее — в душе своего брата-современника.

Отдельные издания произведений молодых эмигрантских литераторов пока редки. Обычно их рассказы и стихи печатаются в новой и старой периодической прессе русской эмиграции (в журнале «Грани», в газете «Новое Русское Слово», в альманахах).

Недавно в Мюнхене, при поддержке Фонда помощи писателям-беглецам, созданного группой писателей Запада (Грэхам Грин, Джон Дос-Пасос, Джеймс Фарелл, Олдос Хакслейч, Артур Кестлер), вышел в свет первый номер журнала «Литературный Современник». В программной статье редакционная коллегия (В. Завалишин, В. Рудольф, Б. Яковлев) журнал пишет, что идея его создания принадлежит «не людям политики, не какой-либо политической партии, а литераторам, собирающимся на «Литературные Субботы» при русской библиотеке в Мюнхене». Но и не будучи «политиками», эти диплийские литераторы вовсе не хотят отгородиться от жизни литературой ради литературы, они хотят свидетельствовать о своем времени через посредство художественного слова, напоминая, что в искаленной форме нечто аналогичное можно наблюдать и в Советском Союзе:

«Наши народы борются с большевистской тиранией антисоветским анекдотом, сказкой, поговоркой, антисоветской частушкой, лагерной песней, т. е. образом. Как действительно это оружие, говорят нам драконовские меры против такого рода народного сопротивления, — за анекдот человека осуждают на пять-десять лет каторги».

Своим заглавием журнал хочет подчеркнуть преемственность с «Современником» Пушкина и Некрасова, с одной стороны, и с «Литературным Современником», в течение нескольких лет выходившим в Ленинграде и закрытым в 1940 году.

Жаль, что при ссылке на пушкинский «Современник» редакционная коллегия не напомнила об одной, писавшей для «Современника», но оставшейся незаконченной статье поэта, — «Опыт об английской литературе». «Во всяком народе, — писал Пушкин, — во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец пишет, зодчий творит и зиждут, ремесленник работает. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и даже вдохновение».

Группу диллийских литераторов объединяет глубокая вера в то, что художественная литература в Советском Союзе «не умерла, она лежит связанная по рукам и ногам, с кляпом «социализма во рту». Их сближает не только потребность в свободе, которой они лишены были «там», но и сознание своего долга перед современниками, оставшимися жить за железным занавесом: «Нам лежит долг — быть свободным голосом наших народов и нашей литературы». Редакторы журнала верят в то, что они не одиноки на чужбине, ибо многие писатели Запада «чувствуют трагедию нашей литературы и поэтому понимают значение нашего творчества и что их журнал станет местом «творческой встречи» старых и молодых писателей русской эмиграции с передовыми писателями Запада».

Но для того, чтобы оправдать свое название, мало добить свободу. Ссылка на «Современник» Пушкина и Некрасова обязывает ко многому: ведь старый «Современник» был не только журналом художественной литературы, но и органом, формировавшим общественное мнение. «Показом советской действительности» через посредство одного лишь «художественного образа» — нельзя рассчитывать на успех.

Бегло отметив слабую сторону нового начинания, хочется задержаться на том, что есть в нем ценного и привлекательного. Ценен прежде всего общий бережливый, любовный подход к литературе и к писателям. Он чувствуется в подборе рассказов и стихов, в трактовке литературных тем в отделе критики.

Неслучайно журнал открывается отрывком «Встреча» С. Юрасова из неопубликованного романа автора «Враг народа». Гвардии майор Федор Панин встречает в вагоне поезда обезноженного на войне инвалида, просящего милостыню. По пристальному взгляду светлых «с усмешечкой» глаз Федор сразу узнает в калеке своего бывшего сержанта Митю Седых. Именно с этой же «с усмешечкой» светлых нагловатых глаз» выслушал Митя приказ Федора — под бешеным огнем немцев переплыть реку и подорвать на другом берегу вражеский пулемет. Приказ посылал Митю на смерть. Он его выполнил; тяжело раненого, его отправили в тыл. Федор тогда представил рапорт о его подвиге, но сам его больше не видел. Орден «Славы» висел на груди калеки, от него разило самогоном. Федору очень хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы Митя понял, что ему стыдно за Митины обрубки и за свое неискаленное тело. Страшнее всего, что искалечено не только тело Мити, но —

в тяжелых условиях советской действительности — калечится и его душа.

«Человек с войны» — судя по советским журналам 1945 года — должен был стать центральной темой послевоенной литературы, но тема эта была сведена на нет страшной чехотой 1946-48 годов. Эта удача «Литературного Современника», что он начинает свою жизнь именно с этой темы.

Интересна и другая попытка «Литературного Современника» — показать советского писателя «без кляпа «социализма во рту». Речь идет о рассказе покойного писателя Шалвы Сослани «Дом № 10 на Страстном». Он был напечатан в «Новом Мире» в 1935 году и заповылся. В распоряжении редакции «Литературного Современника» оказался первый, забракованный «Новым Миром» вариант рассказа. Сравнивая оба текста, читатель имеет теперь возможность убедиться в том, при помощи каких «трюков» внедряется ему представление о трогательной «гармонии» диктаторского режима с представителями старшего поколения русской интеллигенции.

С этой стороны интересно и напечатанное в журнале стихотворение Льва Длигача «Прощание», относящееся к раннему периоду его творчества, когда поэт обещал себе оставаться верным «только силе совести и разуму». Стихотворение кончается грустным констатированием:

Это все невыгодно для чтения,
Это сводит судорогой рот,
Но в строку такую заколочено,
Словно в гроб из четырех досок,
Все,

что самой темной червоточной
Прохватило сердце и висок.

Ошибочно, однако, замечание редакции, что теперь поэт приспособился и пишет верноподданнические стихи. Он, действительно, позже приспособился, но он умер еще в октябре 1949 года.

Центральное место в журнале занимает обведенный траурной каймой список затравленных и погибших писателей, поэтов, драматургов и критиков. Он далеко не полон — и что более досадно — содержит ряд неточностей, которые подрывают доверие и могут быть использованы врагами. В следующем номере журнала обещано продолжение списка. Думается, что важнее самого списка была бы серия статей о творчестве затравленных и замолкших писателей. В этих статьях следовало бы рассказать, как и почему они впали в немилость (иногда просто поскользнувшись на апельсиновой корке, а иногда действительно проявив свою независимость от режима и даже враждебность к диктатуре).

В отделе критики особенно интересна статья В. Федорова «Зеленые скиты». Автор ее пытается отыскать в творчестве Конст. Паустовского, повесть которого «Далекие годы» нашла такой широкий отклик и в русской эмиграции, — первоначальный вариант творческих замыслов этого оригинального писателя, сильнее других испытавшего на себе влияние Бунина.

«Литературному Современнику» хочется пожелать успеха в осуществлении намеченной им трудной, но нужной и почетной задачи.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ПЕТРО ЯРОВИЧ

К десятой годовщине великой провокации

30-го июня 1941 года украинский фашист и профессиональный шпион Гитлера Степан А. Бандера ("Консул II", по германской кличке) в занятом немцами Львове провозгласил "возрождение украинского государства в Зап. Украине". В тот же день была организована власть, которая назвала себя "Государственным Правлением", и "премьером" его был назначен заместитель С. А. Бандеры, — Ярослав Стецько.

Фигура С. А. Бандеры появилась на украинском политическом горизонте в июне 1934 года, когда он в качестве руководителя ОУН (Организации Украинских Националистов) в Западной Украине, отдал приказ об убийстве польского министра внутренних дел Перацкого. Характерно, что хотя виновник покушения Григорий Мацейко не был арестован, польская полиция в первый же момент располагала достаточными данными для того, чтобы начать процесс против руководства ОУН во главе с Бандерой. Это означает, что улики и данные о революционно-террористической работе ОУН были получены не от убийцы, а другими путями.

Смелое поведение 23-летнего Бандеры на этом процессе в Варшаве в 1935 году создало вокруг него ореол героизма и превратило его в героя для украинских националистов в Западной Украине и в эмиграции.

Как бы ни относиться к революционному терроризму вообще, нельзя не признать, что в тот момент Бандера вел себя как фанатически настроенный революционер-националист.

Но за истекшие с тех пор 16 лет произошли немалые перемены.

В 1940 году, когда немцы заняли Варшаву, Бандера был освобожден и стал действовать уже не в областном масштабе, а в главном руководстве ОУН, которое уже находилось на территории Германии.

Как известно, после убийства в Роттердаме в 1938 году главного руководителя ОУН полковника Е. Коновальца большевистским агентом Валюхом, его место занял полковник Андрей Мельник. Таким образом, Бандере с первого же момента пришлось в его борьбе за господство внутри ОУН столкнуться с Мельником.

И тут во всей яркости проявился новый лик Бандеры, — уже не лик революционера, хотя бы и фашистского типа, а провокатора и агента Гитлера.

Немецкие оккупационные власти в тот момент нуждались в агентах и информаторах, которые хорошо разбирались бы в польских условиях и могли бы также оказать помощь гитлеровски моккупантам. Они не могли найти лучших людей для такой работы, чем Бандеру и его окружение.

Бандера усердно принялся за выполнение гитлеровских заданий под руководством человека, который одновременно был одним из главных руководителей гитлеровского шпионажа, одним из видных вождей ОУН и — как выяснилось только в 1945 году — также крупным советским агентом. Звали его Рико Яры. Это был чрезвычайно любопытный субъект, неукраинскому читателю совершенно неизвестный, но игравший видную роль в украинском националистическом движении. О нем придется написать как-нибудь особо.

Работая под руководством Рико Яры и стараясь укрепить свое положение среди немецких оккупантов, Бандера одновременно начал поход за овладение ОУН. Для этой цели ему надо было прежде всего скомпрометировать старое руководство во главе с Мельником. Прежде всего он выдвинул обвинение против "польских и советских шпионов", засевших,

якобы, в Главном Правлении ОУН. Первой жертвой этого похода оказался Ярослав Барановский, обвиненный в "польском шпионаже" на основании документов, найденных, якобы, в польских архивах тем же Рико Яры. Затем наступила очередь за полковником М. Сциборским и сотником О. Сеник-Грибовским, которых обвинили в "сношениях с советскими агентами".

Никаких доказательств Бандера не привел, а то, что было опубликовано по этому поводу, даже среднему обывателю должно было показаться явно неудовлетворительным. Но доказательств никто и не требовал. Хозяин Бандеры — гитлеровское Гестапо, с одной стороны, и советская агентура в лице Рико Яры, с другой, разрешали Бандере делать все, что ему было угодно. Достаточно было одного доноса в Гестапо, чтобы неугодные Бандере люди были немедленно арестованы или ликвидированы по его приказу, — как это, например, произошло с областным руководителем ОУН Западной Украины Турашем, который приехал в оккупированную Польшу для установления связи с главным правлением ОУН.

В то же самое время Бандера развивает лихорадочную деятельность для того, чтобы захватить в свои руки руководство подпольными националистическими украинскими организациями, которые были созданы для борьбы с большевиками в 1939 году, во время советской оккупации.

Все эти предприятия Бандере удалось. Он захватил в свои руки ОУН и стал признанным фаворитом гитлеровских властей, которые, готовясь к войне на Украине, дальновидно учли ту помощь, которую Бандера сможет им там оказать.

Гитлеровским гаулайтерам была важна не шпионская деятельность Бандеры. Он им был нужен в качестве их агента, разлагающего украинское национальное освободительное движение, или в качестве покорного им полицейского диктатора и усмирителя движения среди национальных меньшинств в Западной Украине (в центральных, восточных областях Украины он не годился, ибо был там совершенно неизвестен).

Расчеты гитлеровцев оказались правильными: Бандера выполнил как нельзя лучше свою роль мавра. А когда мавр свое дело сделал, его и часть его помощников отправили в концлагерь. На роль гаулайтеров и губернаторов Украины у Гестапо были свои кандидаты.

В лагере Бандера просидел с лета 1941 г. до осени 1944 г., когда немцы его освободили для того, чтобы пустить его на агентурную работу во время своего отступления из Украины (об этом периоде деятельности Бандеры можно многое сказать).

Вернемся, однако, к основанному Бандерой 30 июня 1941 г. "Украинскому Государству". Провозглашение "государства" произошло в торжественной обстановке, при участии представителей Гитлера, но никакие торжественные речи не могли замазать того позорного факта, который войдет черным пятном в историю украинского движения, что первым актом "Государственного Правления" во главе с П. Стецько было выражение глубочайшей благодарности Гитлеру. Даже норвежский Квислинг, имя которого вошло в историю, как синоним национального предательства, не додумался до такого жеста.

Так как поддержки одной только ОУН, — вернее, только тех ее групп, которые шли за Бандерой, — было недостаточно для придания нужного авторитета правительству "украинской державы", то бандеровские фальсификаторы прибег-

ли к фабрикации двух фальшивых документов. Один из них был изготовлен путем созыва в Кракове накануне войны особого совещания ряда видных украинских деятелей, которому дали пышное название "консолидации всех украинских политических течений" и "общей акции за возрождение Украинского Государства". Неудивительно, что под такую платформу декларация была представлена народу, как признанная всеми политическими партиями права бандеровцев руководить политическим будущим государства.

Второй фальшивый документ был добыт от всеми уважаемого митрополита А. Шептицкого. Ему была показана принятая в Кракове декларация, и его удалось убедить выпустить со своей стороны обращение к народу с призывом поддержать "признанную всеми власть". (Митрополит впоследствии убедился, что его обманули, и свое обращение взял обратно).

Как же выглядела бандеровская "возрожденная Украина"? Трудно найти определение для того "государственного убудка", который был создан стараниями Бандеры и Стецько под благозвучным названием "Украинской Державы". Даже если мерить это детище Бандеры масштабом тоталитарного государства, то в нем отсутствовали и те элементы законности и правомерности, которые имеются ведь и в тоталитарных государствах. Как бы плохи и жестоки ни были эти законы, в них все же есть какие-то элементы порядка и права. Никровавый хаос и полное беззаконие и разгул самого страшного произвола по отношению к украинскому населению и национальным меньшинствам, и безудержного террора против всех инакомыслящих, для того, чтобы заставить их покориться "вождям". Тысячи людей были физически уничтожены без суда, без следствия, часто даже без всякой видимой причины.

В первые дни бандеровского господства террор был направ-

лен преимущественно против организации, возглавлявшейся А. Мельником. Большая часть руководящих деятелей этой организации была попросту убита, явно и тайно. В Подгайцах были зверски убиты братья Прищляки и многие другие, в Житомире — уже названные выше Сеник и Сибборский. Убийцей был украинский коммунист и в то же время один из руководителей походных отрядов Бандеры, Степан Козий из Любачева. Затем пришла очередь за всеми вообще противниками Бандеры в украинском народе. А затем уже начались кровавые преследования против национальных меньшинств в Зап. Украине, — поляков и евреев. Трудно подсчитать точно, сколько было убито поляков, зато случайно сохранились некоторые данные о количестве уничтоженных евреев. Свыше 10.000 евреев было уничтожено в одной только "операции" на границе Прикарпатской Украины. Этим евреев венгерские жандармы изгоняли из занятой тогда с разрешения Гитлера Венгрии области, а на границе их принимали "особые" части бандеровской милиции и кула-то угоняли, по дороге всех уничтожая. В общем, за пять недель своего существования бандеровская "державка" истребила свыше пяти тысяч украинцев, 15 тысяч евреев и несколько тысяч поляков!

"Украинская державка" Степана Бандеры закончила свое недолгое, но позорное существование в августе 1941 г., когда во Львове было объявлено о присоединении Зап. Украины (под названием "дистрикта Галиция") к "Генерал-Губернаторству" (оккупированная Польша). И тогда на Украине началось построение "нового порядка" уже на гитлеровский лад.

Вот, вкратце, история бандеровской "однодневки", которую теперь эпигоны бандеризма, задним числом, надеясь на забывчивость народа, стараются представить, как славную и героическую страницу в истории украинского освободительного движения. На самом деле, именно сторонникам свободы Украины лучше всего вычеркнуть из истории своего движения этот позорный гитлеровско-фашистский инцидент, который ничего, кроме горя и стыда, Украине не принес.

ВЕРА

Вестница «оттуда»

Бывает, что газеты в течение нескольких дней держат своих читателей в напряжении: произошел страшный обвал в шахте или затонула подводная лодка. Из недр земли или со дна моря доносятся на поверхность слабые звуки: тук-тук-тук. Начинается лихорадочная работа по спасению заживо погребенных. Часто бывает, что спасение опаздывает: сигналы становятся все реже, глуше и, наконец, вовсе обрываются. Близким и дальним знакомо гнетущее чувство, которое наступает, когда прекращаются эти позывные звуки...

Тридцать лет назад, в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, во всех крупных городах Советской России начались массовые аресты социалдемократов (меньшевиков). До начала 1921 года социалдемократия еще жила в Советской России на какой-то окраине легальности. То одни, то другие члены партии подвергались арестам, иногда им устраивались процессы. Но в советах больших городов и на съездах советов еще раздавался протестующий голос социалдемократии, и партия в целом еще не была разгромлена. В феврале 1921 года все это переменялось. Страна задыхалась в тесных колодках «военного коммунизма». Под гром кронштадтских пушек Ленин обдумывал, как выйти из создавшегося тупика, но в то же время укрепить режим диктатуры. Перед ним уже маячило отступление в рамках НЭП-а, которое должно было сопровождаться уничтожением последних остатков открытой полити-

ческой оппозиции («а меньшевиков и с.-р. бережно держать в тюрьме»). Система коммунистического деспотизма вступала в новую фазу своего развития.

Арестованные сидели долго. Им еще разрешалось получать передачи. Родные приносили продовольствие, книги, белье. После передачи родные ждали возвращения вещевого мешка, в котором имелась записка арестованного, подтверждавшего получение передачи. Эта записка и была этим живым «тук-тук-тук». Разрешались в первые годы и редкие и короткие свидания. Оглядываясь назад, об этом времени вспоминаешь, как о каких-то баснословных годах. По мере того, как крепчал террористический курс в стране, правила содержания арестованных становились все жестче. Чека начала разгружать тюрьмы крупных городов, и заключенные направлялись либо в провинциальные тюрьмы, либо в далекую ссылку. В первые годы связь с живым миром еще сохранялась. Постепенно, однако, число родных, живших на свободе, стало сокращаться: их тоже начали арестовывать.

Первоначально сроки тюремного заключения или ссылки были относительно невелики: около трех лет. Но по истечении этих сроков ГПУ автоматически назначало новые, ссылка и заключение фактически становились бессрочными. Редки становились вести, и скудны сведения о жизни ссыльных, которые доходили из этого мира заживо погребенных: большинство ссыльных вело

жизнь на границе голода. Но все, кому удавалось вырваться из этого мира, сообщали, что, несмотря на тяжкие физические и моральные условия, наши товарищи своим духом, своей идейной стойкостью сумели завоевать уважение всей ссылки.

Во время второй мировой войны вести «оттуда» стали еще реже, и были месяцы, когда казалось, что редкие и слабые «тук-тук-тук» совсем оборвутся. Страшной иллюстрацией «отрванности» может служить то, что о расстреле в 1937 году М. И. Либера и А. Р. Гоца мы узнали лишь много лет спустя, что весть о гибели Эрляха и Альтера, расстрелянных в декабре 1941 года, дошла только весной 1943 года...

С тех пор вести «оттуда» стали еще реже, да и то чаще всего это были устные «похорошки»: сведения о смерти в ссылке или в тюрьме. И вдруг среди гнетущего безмолвия нам дано было пережить встречу с человеком «оттуда». Этот человек — Лиза, вдова нашего старого друга и товарища.

Лизу хорошо знали в Бунде, где она активно работала с начала нынешнего столетия; в социалдемократической организации многие ее знают больше по мужу, тоже старому бундовцу, которые в самое тяжелое для нас время, когда меньшевизм был загнан в подполье, энергично помогал работе нашего центра. Тов. Э. был арестован в Ленинграде в 1924 году. Лиза жила тогда в Москве. Воспользовавшись оказией, она поехала на юг, чтобы наладить связь с уцелевшими от разгрома товарищами. Но, придя по имевшемуся у нее адресу, она попала в засаду. Ей еще удалось вернуться в Москву, но вскоре она была здесь арестована. После долгих месяцев сиденья в тюрьме она была выслана в Самарканд. В ссылке ей удалось узнать о местонахождении мужа; окончив свой срок тюремного заключения, он получил ссылку в Устьсысольск.

Совместная жизнь Лизы с мужем всегда осложнялась тем, что сроки их ссылки не совпадали. По отбытии ссылки в Самарканде, Лиза получила новый срок с «минусами». Ей позволили выбрать Устьсысольск, где находился ее муж. Здесь они прожили три года. По окончании этих трех лет, они снова получили «минус» с прикреплением на 3 года. На сей раз они выбрали Орел. Когда срок ссылки Э. в Орле кончился, он случайно был арестован на квартире своего товарища. Его в тот же день освободили, но Э. решил не дожидаться окончания срока ссылки Лизы и в мае 1934 года переехал в Казань, где в то время находились и другие наши товарищи, в том числе Конкордия Ивановна и Сергей Осипович Ежов. В сентябре месяце того же года Лиза, закончив срок своей орловской ссылки, переехала в мужу в Казань.

В феврале 1935 г. в Казани были арестованы все на-

ходившиеся там социалдемократы и отправлены в Москву. Из Москвы Лизу отправили в ссылку, опять в Устьсысольск, а ее мужа в политизолятор в Верхне-Уральск. Э. все время требовал перевода в Устьсысольск (нынешний Сыктывкар): объявил голодовку и после 12-месячного пребывания в Верхне-Уральске был переведен в Сыктывкар. Они прожили вместе три года. В апреле месяце 1937 г. Э. снова был арестован, и его жене не сообщили, где он находится.

В течение целого года Лиза посылала деньги и посылки. Никаких вестей от него она не получала. После бесконечных справок и заявлений, ей, наконец, сообщили, что Э. умер в тюрьме.

С какой яркостью в этих сухих хронологических и календарных «справках» передается мучительная история Лизы, которых Ленин обещал «бережно» держать в тюрьме! Но для Лизы «крестный путь» еще не был кончен.

Вскоре ее снова арестовали. Начались бесконечные допросы, связанные с издевательствами. Лиза решила, что жить так дальше не стоит; не объявляя формально голодовки, она перестала принимать пищу, отдавая свою долю сидельцам по камере. Ночные допросы, на которых она отказывалась отвечать, в конце расшатали ее здоровье, и однажды на допросе, где ей целыми ночами приходилось выдерживать знаменитую стоянку, она лишилась чувств. Ее в бесчувственном состоянии привезли назад в тюрьму. После этого некоторое время оставили в покое. А через три с половиной месяца освободили.

Однажды, заболев, Лиза пошла в амбулаторию. Врач, тоже ссыльный, стал осторожно страшить ее, кто она. Узнав, что тов. Лиза уроженка Вильны, посоветовал ей поднять вопрос о своей репатриации в Польшу. Не станем здесь описывать, каким кружным и извилистым путем Лизе удалось пробраться в Польшу. Там нашлись старые бундовцы. Один из них немедленно ее узнал и свел ее с другими товарищами, благодаря которым, наконец, после долгих мытарств ей удалось добраться до США.

Неслучайно старый бундовец сразу узнал Лизу. Ей сейчас 70 лет, но ее подвижническая жизнь как бы застраховала ее от разрушающего действия времени: глядя на ее хрупкую фигуру, на лицо, иногда озаряющееся кроткой улыбкой, никому не придет в голову сказать о ней, что она старая женщина. О всех своих мучителях она повествует спокойно, называя их «они». В этом тихом «они» такая несокрушимая сила, что невольно думаешь: в словах этой хрупкой женщины живет тихое «тук-тук-тук» для будущих поколений русских социалистов.

ЗАМЕТКИ

ТАК БЫЛО — ТАК БУДЕТ

(Контракции в Восточной Германии и в Сов. России)

Когда мы читали рукопись повествования А. Добровольского, помещенного в этом же номере, нас поразило необыкновенное сходство с прочитанным в газе-

те «Геральд Трибюн» рассказом корреспондента этой газеты, прошлым летом объездившего «нелегально» Восточную Германию. Там описываются, между прочим, методы германских коммунистов по «ликвидации крест-

«единичник» и его коллеги. И сравнение этих двух различных ситуаций, из которых одно относится к весне 1930 г., а другое — к лету 1950 г., обнаруживает поистине жуткое и зловонное сходство.

Американский корреспондент попал в немецкую деревню через своего старого друга, местного жителя, так как раз должно было произойти заседание местных «единоличников» с государственной Закупочной Организацией, единственной, имеющей право закупать или продавать продукты, произведенные крестьянами. В основном эта Закупочная Организация имеет своей целью сделать существование «единоличников» невозможным. И основным методом для достижения этой цели является — заставлять крестьян продавать свои продукты по цене ниже себестоимости. Между тем, у крестьянина не может быть другого покупателя, ибо это запрещено ее здесь З. О. В результате, единоличник впадает в долги, больше и больше в задолженность, не может платить специальные высокие налоги, которыми каждый «единоличник» облагается, и теряет свою землю. Освобождаясь от этой перспективы полного разорения он может только «добровольным» присоединением к советскому колхозу, который там насаждается.

Часть крестьян идет на это, но некоторые с отчаяния цепляются за свою землю из последних сил, не желая потерять свою хозяйственную свободу, а главное, не желая расстаться с землей, которой владели его деды и прадеды.

Когда корреспондент и его приятель вошли в деревенский трактир, в котором должно было происходить заседание, там собралось уже человек десять крестьян, включая деревенского «старосту», — молодого коммуниста лет 19-ти. Все остальные были люди средних лет. Два уполномоченных от Закупочной Организации сидели за длинным деревянным столом. «Нас с приятелем посадили с правой стороны. Трактир был мрачный и полупустой. Стены украшал большой плакат, возвещавший, что Сов. Союз уменьшил на половину взимаемые им с Восточной Германии репарации. Перед каждым крестьянином стояла кружка пива. Но пиво было не вкусное, водянистое, и почти никто до него не касался. Во время заседания в трактир не вошел ни один из обычных посетителей: без особой нужды никто не хотел попадать на глаза представителям власти. Что касалось корреспондента, то никто ему не ставил никаких вопросов: крестьяне думали, что это представитель Закупочной Организации, а уполномоченные думали, что это местный крестьянин. (В уполномоченные, по понятным причинам, обычно не берут местных людей; они приезжие, из другой деревни, и местных людей почти не знают).

Начались разговоры. Один крестьянин, лет 40 и, по видимому, бойчее других, открыл прения. В согласии с приказом Закупочной Организации, он посеял весной горох, и как раз теперь наступило время уборки. Он стал подсчитывать свои расходы, семена, которые он купил по установленной З. О. цене, расходы по найму рабочей силы, которую он был обязан оплачивать по установленным ставкам за точно установленные часы (с прибавкой в 50% за время сверх 8-ми часов), нало-

ги и расходы по орудиям производства. Все эти цифры он показал представителю З. О. и тот признал их правильными. Тогда крестьянин сложил все свои расходы и сравнил с той суммой, которую З. О. должна будет ему заплатить за весь урожай. Вышло, что на всем этом он должен потерять 200 марок.

— Теперь я вас спрашиваю, — прибавил он, — что же мне делать с горохом?

— Собрать и слать, — ответил уполномоченный.

— Но ведь я на этом потеряю деньги!

— Ничего не поделаешь. И обратите внимание на то, что так как в этом году горох обильно уродился, то цена на него понижена, — ответил уполномоченный.

— Но если урожай гороха обильный, то ведь вам мой горох и не нужен вовсе. Так я его просто запашу и тем сэкономлю много денег.

— Нет. Вам приказано убрать горох и слать его.

— Ну, а если я высушу и тогда продам его по более высокой цене, по той, которая назначена за сушеный горох?

— Нет. Вам было приказано слать горох зеленый. И вы обязаны выполнить приказ.

Спротивление было бесполезно. Заседание перешло к другим делам. Уполномоченные З. О. согласились улучшить приемки доставляемого хлеба так, чтобы крестьянам не пришлось терять на сдачу зерна целый день. Но они категорически отказали крестьянину, который требовал перемерки его участка, ввиду того, что при первой обмерке была допущена ошибка, и с него требуют больше хлеба, чем полагается. Было отказано и тем, которые требовали уменьшения непосильного для них размера поставок. На этом пункте путник корреспондента мигнул ему, что надо уходить, и они покинули трактир.

В германском трактире пока еще не крутили из газетной бумаги «цигарок» толщиной в палец и не засыпали ее «самосадом». В избе, о которой пишет Добровольский, не знали о существовании немецкого пива, даже плохого. И наверное сапоги, костюмы немецких фермеров были совсем иные, чем та обувь, в рассмотрение которой уткнули свои головы русские «единоличники». Не сидели немцы на полу, а разместились по-культурному на деревянных стульях и скамейках. И стояли перед ними старые немецкие кружки с ручками и оловянными крышками. Но атмосфера царила та же, что и в русской деревне 1930 года. И то же самое чувство беспомощности и бесполезности всякой борьбы господствовало летом 1950 года в немецкой деревне, что и в русской деревне весной 1930 г.

Меняются страны, костюмы, язык, но методы большевизма остаются те же. И сами себя обманывают те, кто подбодряют себя тем, что у нас-де все это невозможно. Вот в дикой, отсталой варварской России, там может быть и коммунизм варварский. Но у нас, в культурной Германии, Чехословакии, Франции и т. д. все это будет по-иному. И даже коммунизм у нас будет-де другой, более культурный, более благородный, «европейский».

Приведенные две картинки доказывают обратное. Про коммунизм можно сказать то, что Столыпин когда-то сказал про царское самодержавие: «так было — так будет».

ИЗ ПРОШЛОГО

В русской деревне в 1930 г.

Это было в 1930 году. Надвигалась весна. Но незаметно обычного для этого времени года хозяйственного оживления и заботливой хлопотливости крестьянина. Люди ходят, как тени — подавленные, забитые, оклобанные, голодные.

На замечания о необходимости подготовки к весеннему севу следовал неизменный саркастический вопрос: "А чем сеять будем? Где семена?"

Окружная газета бросила свой стандартный заголовок "О продаже излишков" и теперь надрылается в истерических заклинаниях: "Засыпать полностью семена! Открыть кулацкие потайные ямы с хлебом! Сломить кулацкий саботаж в подготовке к весеннему севу!"

Где-то, у кого-то, в каком-то районе, действительно, удалось найти яму с припрятанным хлебом. Газета уцепилась за этот пример, как за якорь спасения, — найдено моральное оправдание, подтверждение "правоты" рассказней о "кулацком саботаже". Фамилия владельца этой ямы склоняется на все лады, преподносится всюду и всем, как доказательство наличия спрятанного зерна и "кулацкого саботажа" в засыпке семян.

Но время идет, весна наступает, а семенных фондов нет и нет, несмотря на указанные "доказательства". Дороги портятся, лошади тощат и слабеют. "Излишки" все "давно уже проданы" и отвезены по санному еще пути на элеватор за 70 километров.

И вот, наконец, советская власть, "идя навстречу интересам трудящегося крестьянства", решила выручить из беды крестьян, оказать им помощь — выдать семенную ссуду, да еще и беспроцентную.

Окружная газета долго потом "трудилась" над тем, чтобы широко разъяснить крестьянам, что такой "жертвенный" поступок возможен только со стороны советской власти; в условиях кулацко-помещичьей кабалы крестьянин и мечтать не мог о беспроцентной ссуде.

Дело стало за небольшим: привезти это зерно, зимой его называли "излишками", а теперь нарекли "семенным фондом", и привезти его обратно с того же самого элеватора, за те же 70 километров, но только теперь по бездорожью и на истощенных, обессиленных лошадях. Крестьяне знают, что при таких условиях на каждую подводку больше двух мешков не положишь, и для того, чтобы привезти всего-то 11-12 тонн зерна, отправляют 100 подвод, т. е. в пять раз больше, чем было бы нужно при нормальных условиях. Через неделю вернулось 89 подвод — остальные брошены в пути, так как лошади или пали, или от истощения не могли уже двигаться.

Едут вновь испеченные колхозники, везут свое зерно обратно и не могут удержаться от горькой шутки: "Пшеничка наша на курсах побывала — теперь без дождя уродит".

Контракционная кампания

Начинается распределение семенной ссуды.

"Установки" таковы: колхозы обеспечить семенами на всю площадь посева, а единоличникам до 20% потребности в семенах. Значит, создать такие условия, чтобы и в будущем году для единоличника не было иного спасения, как "встать на путь социализма", то-есть, идти в расставленные колхозные сети.

Тем не менее, эта убогая "ссуда" давала основания рекламировать "заботу партии и правительства" о трудовом крестьянстве. Но так как всякая "забота" советской власти дол-

жна быть оплачена сторицей, то и от колхозов, и от единоличников требовалось, чтобы они подписали контракты с государством о сдаче хлеба из нового урожая (обязательность госпоставки была установлена позднее "историческим" решением).

Работа по проведению контрактации посевов была возложена на меня, и вот тут-то с предельной ясностью обнаружилось, какая бездна отделяет меня, как государственного чиновника, от всей крестьянской массы. И если мне впоследствии удалось найти общий язык с ними, то только потому, что я с риском для себя отступил от официальной линии, а не потому, что я ее последовательно проводил.

Вхожу в избу, где собрано уже человек 40 единоличников. Возле печи хозяйка толчет в ступе сердцевину стеблей полсолнухов, готовит "муку" для выпечки "хлеба". Люди все сбились в заднем углу и сидят на полу, а скамейки возле стола, за которым я должен сидеть, пусты. Никто не хочет сидеть рядом с "уполномоченным".

Подхожу к столу и здороваюсь с присутствующими — ответом на приветствие было дружное молчание. Причина такой встречи мне понятна, объяснений не спрашиваю. Сажусь за стол вместе с представителем сельхоза и начинаю доклад о преимуществах и выгодах контрактации посевов. Аккомпаниментом к моим "выгодам контрактации" служат яростные удары песта, которым хозяйка готовит "муку".

Во время доклада смотрю на людей и пытаюсь поймать хотя бы один взгляд. Но тщетно: все сидят, молчат и смотрят между колен в пол. Однообразие поз нарушается только тогда, когда кто-нибудь полезет в карман за кассетом с грубо нарубленным "самосадом", свернет из газетной бумаги "цигарку" в палец толщиной и вновь опустит голову, молчит и курит. А я все говорю.

Но вот доклад окончен. Прошу задавать вопросы. Молчат, смотрят в пол и курят. Тщетно повторяю просьбу несколько раз, делаю длительную тягостную паузу, — жду. Молчание. Только головы склоняются ниже и ниже, да старательнее избегают взгляда. Наконец, перестаю терзать их вызовами на вопросы и перехожу к следующему пункту установленного трафарета — начинаю приглашать высказываться. Ответом все то же безмолвие.

Тогда обращаюсь с предложением принять какое-нибудь решение. Молчат и курят.

Вношу провокационное предложение: "Значит, согласны законтрактовать посева? Кто за это предложение, прошу поднять руку". — Ни одной руки, продолжают смотреть в пол или разглядывать свою обувь.

Вношу другое предложение: "Раз никто не голосует "за", — значит, все против. Прошу поднять руку, кто против". — Ни одной руки, только дыхание стало напряженнее и прерывистей, слышно сопение. Но я готовил сюрприз, какого они никак не могли ожидать, исходя из опыта с "продажей излишков".

Накануне первого собрания я долго думал о том, какую же мне занять позицию от имени "партии и правительства" в этом контракционном фарсе. Обстановка для меня была слишком ясна, чтобы я мог заблуждаться и поверить фальшивке, сваливавшей все на "кулацкий саботаж". Для меня было яснее ясного: хлеба нет, семян тоже, люди голодные и злы, "семенная ссуда" — блеф, контрактовать нечего, если говорить о единоличниках, а не о колхозниках. После мучительных колебаний и раздумия я принял, наконец, рискован-

не для меня решающим? Если будут противиться контрактации, не буду их выслушивать и этому, соглашусь с ними и буду приходить отрицательные решения. Пусть, что хотят, то со мной и доклад, а я займусь документами для своего оправдания".

С этим решением я и пошел на собрание, но нужно было добиться, чтобы это предложение исходило не от меня, а что бы они сами сказали все это. И вот, чтобы вывести их, наконец, из оцепенения, я решил прибегнуть к сильно действующему средству — смеху. Молчание их назвала действующей силой, привелось к смеху собрания, и пообещала написать в этом духе доклад в райкомхозком. Сделав паузу, медленно начал собирать свои бумаги.

Испрекание достигло высшего предела. Начались ерзания вилки. Наконец, один из них с каким-то "а-ох!", подобным слову, резко подскочил и подошел к столу. Нервно сжимая в руках вилицу, он начал торжественно бросать мне вопросы:

"Говоришь, контрактовать? Что контрактовать? Ты агроном? Скажи, сколько семян надо на гектар? Сколько с гектара можно собрать урожая? Сколько на человека надо хлеба в год?"

Когда я дал ему ответы, он продолжал:

"Хорошо, согласен с тобой. Так вот слушай же: семья у меня 4 человека, а семян мне дали 2 пуда. Что я посею? Что соберу? Что законтракту?"

Соблюдая спокойствие и возможно проще, я отвечаю ему:

"Ну, а чего-ж ты до сих пор молчал? Если положение таково, так я и сам вижу, что у тебя контрактовать нечего".

Мой ответ был настолько для них неожидан, что первые секунды-две продолжалась полная тишина. Потом все повскакали со своих мест, бросились к столу и, протапливаясь к нему, все сразу заговорили, загалдели, поднялся такой шум, что ничего нельзя было понять.

С трудом удалось восстановить тишину обещанием, что я выслушаю каждого, и если у всех такое же положение, то мы и вынесем постановление, указав два-три примера, о том, что контрактовать нечего, так как наличие семян не обеспечивает даже минимальных продовольственных потребностей.

Послышались возгласы одобрения по моему адресу: "Первый раз видим такого уполномоченного, который разговаривает как человек, а не лает как кобель".

Постановление, конечно, вынесли отрицательное, и весть о "хорошем уполномоченном" шла много быстрее меня.

Когда я приезжал проводить собрание в следующую деревню, "меня уже знали", хотя первый раз видели, и везде результат был одинаков: по всем селам я не законтрактовал в единоличном секторе ни одного гектара.

Первые сомнения.

Теперь на меня надвигался решающий момент — получить возмездие за кратковременную славу "хорошего уполномоченного". Исходя из опыта неудачного заступничества за потребителя торфяного "хлеба", я не ожидал ничего хорошего и на этот раз. Поэтому, придя в райколхозсоюз и приготовившись сразу вступить в "бой", я небрежно процедил: "В единоличном секторе нечего контрактовать, и я не законтрактовал ни одного гектара".

В ответ последовал вопрос: "А в колхозах законтрактовал?"

— В колхозах законтрактовали всю площадь.

— Хорошо. Давай сюда колхозные договоры, а протоколы единоличного сектора отдай секретарю.

Это было для меня таким же сюрпризом, как для крестьян поведение "хорошего уполномоченного". Сомневаясь еще, что на этом дело и кончилось, спрашиваю: "Все?"

Ответ: "Да, все!"

С чувством большого облегчения я вышел из райколхозсоюза и только опамятавшись, сообразил: значит, и они получили "установки" не переступать последнюю гран: человеческого терпения.

Однако, чувство облегчения за благополучный исход рискованного шага не могло заглушить голоса собственной совести, а следовательно и за участие во всех преступлениях, тяготила. Стыдно было сознавать себя представителем этой власти. Ведь никому нельзя сказать, что ты глубоко возмущен всем происходящим.

Свое возмущение надо прятать в самых сокровенных тайниках души, а на показ выставлять совершенно противоположное тому, что неустанно шепчет совесть. Надо говорить о "заботе партии и правительства"; все злодеяния советской власти сваливать на "кулацкий саботаж" и при этом знать, что никто тебе не верит, что люди понимают твою сознательную попытку их обмануть; знать, что тебя ненавидят за ту подлую роль, которую ты исполняешь!

Кто вынужден был выступать перед аудиторией, изображая сторонника власти, испытывал такое же чувство стыда, как если бы его голого выставили на посмешище толпы.

Я не понимал тогда, что такого рода наглая публичная ложь является одновременно глубоким нравственным падением Человека — с большой буквы. Не понимая отчасти по молодости, а главным образом потому, что система лжи и открытого обмана стала "нормальной" атмосферой советского "общества". Поэтому, о той глубине нравственного падения, в бездну которого нас толкает "мудрая" политика "отца народов", я не раздумывал. Но стыд, колкий, жгучий стыд терзал меня постоянно, когда положение вынуждало публично лгать.

Часто приходила мысль: "Чем же можно оправдать все происходящее? Ведь не может же быть, чтобы власть беспричинно плодила своих врагов? Значит, есть какое-то объяснение, оправдание. Я только не знаю и не понимаю его, а оно есть, должно быть! Есть, конечно, перегибы местных властей, отягощающие положение, но объяснить все перегибами нельзя, — слишком все открыто делается. Слишком много людей участвует в этих перегибах, чтобы допустить неведение центральных властей. А, может быть, это просто ошибка. Но разве можно допустить, чтобы на всей территории огромного государства в одно и то же время местные власти делали одну и ту же ошибку"? Ясно, что это дело рук центрального руководства. Но чем же оно оправдывается?"

Получить ответы на все эти мучительные вопросы я надеялся от 16-го партийного съезда, который должен был собраться в июне этого года. Я надеялся, что пойму, наконец, скрытый для меня смысл всех этих противоречий. Особые надежды я возлагал на доклад Сталина. В этом докладе я надеялся найти объяснение всему, а следовательно, и "отпущение грехов" перед своей совестью. Вполне понятно, поэтому, с каким волнением и надеждой я ждал этого доклада-избавителя.

Ленинград в 1930 году.

Но прежде чем говорить о том просветлении ума, которое мне принес доклад Сталина, надо сказать несколько слов об обстановке в Ленинграде в 1930 году.

Все продукты, за исключением соли, можно было получать только по карточкам. Карточки были различные для детей разных возрастов и различные для взрослых, в зависимости от исполняемой ими работы. Для "ответственных работников", для командиров красной армии и для "соли земли русской" — НКВД — существовали закрытые распределители, куда простой смертный попасть не мог.

Такие продукты, как жиры, очень часто вообще пропадали у обладателей карточке 2-ой и 3-ей категории — "за неизменением на складе". Ни ресторанов, ни столовых общедоступных не было, только "закрытые" по специальным пропускам. В учрежденческих столовых (не заводских- неизменным вторым блюдом было "рагу из овощей", то-есть паренная капуста, брюква и морковь, заправленные слегка мукой, без всякого признака жиров. Потребители попросту называли это

рагу "силосом", то-есть сочным кормом для животных. И только столовые "ответственных работников", командиров Красной армии, да НКВД не испытывали той нищеты, которая царила кругом.

Если бы в это время приехал в Ленинград какой-нибудь человек без своих продуктов и не был бы взят под опеку никакими учреждениями и не нашел бы доступа к черному рынку, он погиб бы с голоду, как в пустыне.

16-ый съезд ВКП (б)

Вот в этой-то обстановке и собрался долгожданный 16-ый съезд, который, я надеялся, разрешит все сомнения и вынесет решения, обеспечивающие от повторения подобных эксцессов.

Получаю "Правду" с докладом Сталина.

Хотя доклад начинался обзором международного положения, которым я очень интересовался, но сейчас было не до того. Жадно начал всматриваться в подзаголовки доклада, ища тот, который даст "отпущение грехов" и разрешит все сомнения. Искать пришлось недолго. На 3-ей странице во всю газету огромными буквами шел последний раздел доклада:

"Дальнейшее, еще большее улучшение материального положения трудящихся"...

Почти 21 год прошел с момента, когда я прочел эту формулу концентрированной лжи и лицемерия. Не забыл и никогда не забуду ни блудливой подлости этого доклада, ни того впечатления, которое он произвел. Без дум, без чувств, без желаний, словно за гипнотизированный, смотрю на эти аршинные буквы, как на разбитые надежды, как на поруганную честь. Не могу начать читать, да и желания нет.

Чтобы не подумали, что я преувеличиваю, напомним: ведь это было сказано в июне 1930 года, когда еще иллюзии о "доброй советской власти", навеянные годами НЭП-овского благополучия, были очень сильны. Ведь, 1928 год был самым сытым и обильным годом за все время существования советской власти и по сей день. Даже первая половина 1929 года была еще мало-мальски сносной. И только с осени 1929 года самум диктаторского самодурства вверг страну в такие лишения, что по последствиям это равнялось самой опустошитель-

ной войне. Скачок от сравнительного благополучия в пучину огромных лишений был настолько резок, что невозможно было сразу поверить, чтобы "добрая советская власть" была способна на такую жестокость.

Ум невольно искал каких-то иных объяснений этому. По-надобилась вся беспредельность сталинского лицемерия и сталинской лжи, чтобы убить веру в "добрую советскую власть".

Когда ошеломляющее действие этого шока начало проходить, медленно заработала мысль. И прежде всего встал вопрос: что же можно сказать о дальнейшем, да "еще большем" улучшении жизни людей в этих условиях?

Не питая уже никаких иллюзий насчет "отпущения грехов", исключительно ради любопытства, начинаю читать о том, чем нас осчастливил "отец родной" за это время.

Приводя ниже цитаты из доклада, я их беру в кавычки условно, так как помню только их смысл и не могу привести их дословно.

Оказывается, советская власть добилась вот каких "успехов". "В деревне ликвидирована кулацкая кабала — крестьянство окончательно и бесповоротно встало на путь социализма", то-есть колхозов!

Не меньшие "достижения" имеются и в улучшении материального положения рабочего класса: "Заработная плата увеличилась на ..... процентов" (кажется, около 50%), и ни слова о том, что цены за это время поднялись минимум на 300%. "Общественным питанием охвачено свыше 70% трудящихся" — а как жили те трудящиеся, которым не удалось "охватиться" общественным питанием? Понятия не имею!

И это с трибуны съезда перед двухтысячной толпой, перед всей страной, перед всем светом подносится, как несомненные "достижения".

Делегаты съезда, снабжавшиеся из закрытых распределителей и питавшиеся в условиях "ответственных работников", наградили докладчика бурными аплодисментами, руководство признали мудрым, а политическую линию правильной.

Но совсем другие выводы сделал я.

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ («новейшие»)

— Как я бежал? Да ничего особенного — так же, как бежали тысячи других.

Отвечает молодой лейтенант-украинец.

— Победа нас не радовала: из дому приходили тревожные вести, и вскоре мы поняли, что никаких послаблений, никаких поблажек народу не будет и после победы над германским национал-социализмом. Свой, советский "социализм" начал показывать свой довоенный страшный лик.

— С окончанием войны надзор за солдатами и офицерами резко усилился. Жить в этой обстановке — значило рисковать своей жизнью, рисковать без надобности, без пользы. Иное дело на войне, на фронте, в борьбе с врагом, а здесь нам угрожал удар ножом втихомолку, с тыла, от разных СМЕРШ-ей. Политработники усиленно вели беседы о дезертирстве (это после войны уже!), о том, что союзники возвращают обратно беглецов из советской армии. Мало кто этому верил, потому что верить не хотелось.

— Эта усиленная агитация политработников сама по себе была подозрительна. Мы привыкли понимать все наоборот: если ТАСС (еще 15 июня 1941 года) объявлял, что войны не будет — значит, война будет; и действительно, ровно через неделю — началась война... Если Сталин говорил на колхозном съезде: "Сын за отца не отвечает!" — то, значит, надо ждать чего-то обратного, т. е. какого-нибудь декрета, по смыслу которого будет выходить, что за политические пре-

ступления отвечает не только виновный, но и члены его семьи.

— Мы не верили политработникам, что наши еще вчерашние боевые союзники готовы нас выдать на явную смерть в подвалах СМЕРШ-а лишь за то, что мы хотели перебежать к ним, чтобы продолжать борьбу против всякого фашизма, хотя бы это был и комфашизм...

— Переодевшись в штатскую одежду и закопав наши военные документы, решили мы проехаться на английских автомашинах. В то время — летом 1948 года, — через нашу зону часто проезжали английские военные грузовики с английскими же солдатами. Шофер одной такой машины разрешил и нам взобраться на нее, к тем восьми английским солдатам, которые там уже сидели... По дороге один из них пристал ко мне, чтобы я ему продал мои часы на память о счастливо оконченной войне. Говорили мы, конечно, не по-русски и не по-английски, а жестами и мимикой. Я постарался ему объяснить, что часы я и даром отдам, лишь бы нам посчастливилось благополучно переехать советскую границу зоны. По-видимому, он понял меня, так как начал хлопотать около кучи мешков в темном углу машины, а потом предложил нам туда перебраться и прикрыл нас этими мешками. Так, под мешками, и проехали мы мимо советских часовых. Машина остановилась уже у английской пограничной заставы. Нас повели в караульное помещение. Начался допрос. Я рассказал все как было, начистую. Затем нас вежливо и даже друже-

ски угостили сытным обедом. И только после этого сказали: "Вы русские, а потому должны ехать обратно в свою зону". Легко им было так говорить, а каково-то было нам возвращаться туда, где нас ждали зверские допросы, избивание, СМЕРШ-и, смерть "за измену родине". Как им все это объяснить, не зная языка? Английский солдат имеет приказ, он действует по инструкции. Но мои часы все же его заинтересовали. Как будто понял, что дам их ему без денег, лишь бы помог уйти подальше от родины.

— Обрадовались мы, успокоились, сидим и блаженствуем, покуривая английские сигаретки. Наконец, приходит англичанин. Мы думали — за нами, вести нас куда-нибудь: мол, значит, понял наше дело, посочувствовал и пожелал нас, нужденных бежать от своей родины, а оказался, что вы пришел только за часами.

— И повел он нас к своему часовому на границе англо-советской зоны. А когда довел, повернулся и зашагал обратно. Английский часовой доставил нас к советскому постовому сержанту. Начали они между собой разговаривать, но больше мимикой и жестами. Наконец, советский сержант кричал: "Товарищ майор, на минутку".

— Вышел майор, которому сержант объяснил, что англичане доставили двух человек "без бумаг". "Отправляй обратно, нам не нужны люди без документов!" — распорядился майор. Виский. Мы стоим, как немые: по-русски не понимаем. Тогда майор стал объяснять жестами, повернул нас лицом к удаляющемуся английскому часовому, махнул в том направлении и сказал: "Топайте за ним!"

— Мы и потопали, да таким темпом, что догнали англичанина раньше, чем следовало. Вместо того, чтобы вместе с нами порадоваться, он стал ругаться, да так сочно, что и нам понятно стало. Снова вернул он нас к майору, которому объяснил, что мы не "джермен", а "рошэн". Тогда майор успокоился: можно своих принять и без документов. Мы объяснили, что испугались и голоса лишились, впервые увидав погоны — да еще золотые: мы, мол, советские граждане, бывшие военно-пленные из английской зоны, спешим, мол, попасть на родину. Майор нам посочувствовал и сейчас же отправил в штаб дивизии.

— Там стали разговаривать построже, угрожали, но бить не били. Дали нам помещение в подвале с пустыми бочками из-под пива, где сидело уже человек двадцать немцев и немок. Кормили нас хлебом, супом из воды и картошки с примесью обыкновенных мух. Скучно было сидеть без дела, стали ковырять мы кирпичную стену; через четыре дня долбежки обнаружили пустоту, за которой начиналась другая капитальная стена. Обескураженные этой неудачей, просидели мы в подвале двенадцать дней. Затем нас переправили на автомашине в распоряжение отдела СМЕРШ-а в Магдебурге.

— На третий день, еще до допроса, нас повели в баню, откуда нам удалось скрыться. Вскочили в первый попавшийся поезд, который шел на Гарц. Здесь нам не рекомендовали переходить границу, которая днем и ночью усиленно охранялась. Меняем направление на Кронинген-Гельмштадт. Неиздолго до нашего появления здесь, какая-то группа немцев прорвалась на запад, началась стрельба, и советские пограничники бросились туда в погоню. В этом заключалось наше счастье: ползком, по клеверному полю перебрались мы на английскую зону, возле города Реда, около Вильфельд-Гутер-

славу. К англичанам провазо у нас доверие, и стали мы обходить их, все равно, как и советских людей. Решили идти в лагерь Ди-Пин.

— Покопаться-то нас здесь покормили, но лагерь состоял из поляков и, конечно, националистов, которые нам навязали. Тут русских нет; все русские должны ехать на родину... Получалось повторение разговоров с англичанами: русские — в Россию.

— Поэтому решили мы сбиться и отсюда, не наприщипывая на их гостеприимство. Пошли на станцию. Сидим и ожидаем поезда, которого нет и неизвестно, когда будет.

— Нашу мирную идиллию прерывает группа польских интеллигентских из того лагеря, где мы пообедали. Увидев нас, они явились на нас ружья и с криками и угрозами потащили обратно в польский лагерь. Здесь нас посадили под караул. Оказывается, что после нашего ухода кто-то из поляков поднял шум, что мы шпионы. И началась погоня за "советскими шпионами".

— Сидим под замком. И смешно, и обидно! Но бежать не собираемся. Через три дня повели "советских шпионов" в лагерь Аугустдорф, возле Гутерслоу — и сдали там советской репатриационной комиссии.

— Испариться отсюда не представляло большого труда. Добрались мы до гор. Гельзенкирхена и здесь впервые нашли пристанище в лагере Ди-Пин. В лице коменданта лагеря мы нашли умного, отзывчивого человека, понявшего нашу беду. Это был единственный человек на нашем пути заключенный, который оказал нам моральную поддержку. А мы в ней так нуждались, ибо жили до сих пор как загнанные звери. Вот прошло уже три года с этого времени, улеглись чувства недоумения и обиды, но и теперь еще кажется, что "Запад" нас не поймет никогда. Ну, как по пословице: сытый голодного не разумеет.

Таков был правдивый, бесхитростный рассказ командира советской армии В. Ч.

Он — один из тех солдат и офицеров советской армии, которые, бросая свои военные звания, награды и привилегии, бегут на Запад, чтобы стать бесправными Ди-Пин. Они бегут и тогда, когда знают даже, что их ждет насильственный возврат, на расправу.

Бегут такие люди от безысходного отчаяния, куда глаза глядят, — по старинной украинской поговорке: кость гирише, та инше. Бегут в неведомый им мир, стиснув до боли зубы, с пистолетом в кармане, предпочитая, в крайнем случае, лучше погибнуть от собственной руки, чем опять попасть в царство сталинизма.

А Запад до сих пор встречает такого беглеца вопросом, достаточно ли он грамотен, чтобы иметь право на иммиграцию, и не является ли он добровольным членом Лиги без-а, общества ликвидации безграмотности, МОСР-а или государственной профсоюзной СССР. И уж совсем как следователь допрашивает: не был ли осужден за преступление, — спрашивает у такого беглеца, — не был ли пионером, комсомольцем или, Боже упаси, членом ВКП (б). Если приходят люди без копейки денег, оборванные, без документов, на них смотрят очень подозрительно. Но если у такого беглеца имеется паспорт за подписью Берия или его агентов, то ему могут скорее поверить, что он — враг диктатуры генералиссимуса. Магия "бумаги", документа!

А. ВЕРЕСОВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

(ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

А. Социализм и демократия.

1. Как экономическая система, капитализм развил огромные производительные силы. Но в то же самое время он отстранил

подавляющее большинство граждан от всякого влияния на производство, поставив право собственности выше прав человека. Он создал новый класс наемных рабочих, лишенных в

то время всяких социальных прав, и тем сделал классовую борьбу неизбежной. Несмотря на то, что мир обладает ресурсами, совершенно достаточными для того, чтобы обеспечить сносное существование для всех, капитализм оказался не в состоянии удовлетворить даже самые насущные нужды населения мира. Оказалось, что капитализм не в состоянии функционировать без опустошительных кризисов и массовой безработицы. Он создал социальную необеспеченность и кричащее неравенство между богатыми и бедными. Он прибегал к империалистической экспансии и колониальной эксплуатации, создавая этим конфликты между народами и расами. Войны становились все более ужасными, благодаря развитию науки в период капитализма. Капитализм не раз способствовал возрождению варварства давно прошедших времен, которое подняло свою голову в форме фашизма и нацизма.

2. Социализм зародился в Западной Европе как движение протеста против присущих капиталистическому обществу недостатков. Так как от этих недостатков больше всего страдали наемные рабочие, то социализм прежде всего развился, как движение наемных рабочих. Но сейчас целый ряд других общественных групп — крестьяне и рыбаки, люди свободных профессий и конторские служащие, ремесленники и мелкие торговцы, художники и работники науки стали понимать, что социализм является и для них путем к лучшему будущему. Социализм привлекает к себе всех тех, кто хочет, чтобы эксплуатация человека человеком была уничтожена и кто полагает, что человеческое общество будущего должно быть построено на основах солидарности, сотрудничества и социальной справедливости.

3. Социализм стремится освободить большинство человечества от зависимости от меньшинства, владеющего средствами производства или распоряжающегося ими. Он стремится передать власть над производством в руки всего народа и создать общество, в котором свободные люди работают сообща на основах равенства.

4. Социализм в настоящее время уже является крупной силой в мировой политике. Он перешел из стадии пропаганды в стадию реализации. В некоторых странах ему удалось прочно заложить основы нового социалистического строя. Здесь темные стороны капитализма быстро исчезают, и общество развивает новую силу. Принципы социализма доказали свою ценность и на практике.

5. Но и там, где социализм не находится у власти, более передовые страны находятся сейчас в состоянии переходного периода. Либеральный капитализм уступает место системе смешанного хозяйства, в которой государственное вмешательство и коллективная собственность ограничивают поле деятельности частного капитала. Народ все больше убеждается в необходимости планирования. Социальное страхование, свободные профсоюзы и хозяйственная демократия все больше расширяются. И это развитие в значительной мере является результатом долгих лет борьбы социалистов и профсоюзов. Там, где социализм силен, делаются значительные шаги для создания нового социального порядка.

6. В последние годы социализм приобрел сильное влияние в странах, которые во всех смыслах очень далеки от тех стран, в которых социализм родился. Народы промышленно-неразвитых областей Азии и Африки нашли в социализме незаменимую помощь в борьбе за национальную свободу и более высокий уровень жизни. Здесь развиваются различные формы социализма под давлением различных обстоятельств.

7. В то время, как социализм движется вперед по всему свету, возникли новые силы, которые угрожают движению в сторону свободы и справедливости. Начиная с большевистской революции в России, интернациональный коммунизм

расколос сначала международное рабочее движение, а затем и весь мир. Коммунизм взывает к традициям, общим у него с социализмом, но он изуродовал эти традиции до степени неузнаваемости. Он построил застывшую, жесткую систему революционной теологии, которая является прямой противоположностью критическому духу марксизма. Создав кричащие различия в благосостоянии и правах групп граждан, он построил **новое классовое общество**.

8. Коммунисты заявляют, что они строят свое учение на социалистическом анализе капиталистической системы. Но в то время, как социалисты стремятся достигнуть свободы и справедливости путем устранения эксплуатации, которая при капитализме делит человечество на классы, коммунисты стараются обострить и эксплуатировать классовые противоречия для своих собственных целей. Их идеалом является не построенное на социальной гармонии общество свободных людей, а диктатура одной партии и эксплуатация классов, общества и всей страны по приказам государственной власти.

9. Такого рода коммунизм не является политическим движением рабочего класса: он — инструмент империализма страны, построенной на военной бюрократии и террористической полицейщине, с системой хозяйства, все больше и больше построенной на возвращении к человеческому рабству. Везде, где коммунизм приходит к власти, он уничтожает не только свободу, но и самую возможность борьбы за свободу.

10. Социализм является интернациональным движением, которое не требует от своих сторонников единообразия доктрины или подхода. Все равно, строят ли сторонники социализма свою веру в лучшее будущее на марксизме или на других методах анализа современного общества, или же они воодушевлены чисто-религиозными или гуманитарными учениями, — они все стремятся к той же самой цели: к установлению системы социальной справедливости, к лучшей жизни, к духовной свободе, к миру для всего мира.

11. Социализм не неизбежен: он только один из путей, по которым может пойти человечество. Но он самый лучший из всех доступных путей. Огромные силы, которые наука высвободила за последнее столетие, могут быть поставлены на службу человечеству только в сочетании с сознательным планированием и личной свободой. Социализм означает свободу и планирование как в национальном, так и в интернациональном масштабе. В отличие от тоталитарного пути, социализм не навязывает народам роли пассивного орудия. Напротив того, он не может увенчаться успехом без далеко идущего и самого активного соучастия всего народа. Вот почему он представляет собою наилучший ответ на те требования, которые современное человечество предъявляет. Он — лучший путь к осуществлению человеческого братства. Он представляет собою демократию в ее самой высшей форме.

Б. Политическая демократия.

1. Социализм стремится построить новое общество на основе свободы, без насилия.

2. Без свободы не может быть социализма. Социализм может быть осуществлен только через демократию. Но и демократия может получить свое полное выражение только через социализм.

3. Демократия — правительство народа, через народ и для народа. Она должна обеспечить следующие права:

а) право каждого человека на свободу его личности и на частную жизнь, огражденную от вмешательства государства;

б) равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, пола, религии или цвета кожи;

в) наличность народного представительства, избранного путем свободных выборов на основе равного и тайного голосования;

- г) правление большинства при охране прав меньшинства.
 д) издание законов народным представительством;
 е) систему правосудия, независимую от исполнительной власти.

4. Социализм всегда боролся за права, указанные во Всеобщей Декларации Прав Человека, принятой Общим Собранием Объединенных Наций. Эта Декларация должна быть введена в силу во всех странах.

5. Социалисты враждебны всякой форме диктатуры. Они противятся поддержке большинства народа для того, чтобы стать правительством страны и управлять ею на основе демократических гарантий в интересах народа в целом. Защита политических демократии является поэтому насущным интересом всех трудящихся. Сохранение политической демократии является непременным условием для осуществления социальной демократии. Но только при социальной демократии могут быть обеспечены все блага демократии политической.

6. Демократию нельзя защитить средствами реакции. В данный момент, когда капиталистическая система глубоко потрясена в большинстве стран мира, капиталистическая или консервативная политика не может развить достаточную силу и необходимое единство для того, чтобы защитить демократию против тоталитарной агрессии. В частности, демократию нельзя защитить без активной поддержки рабочих, наиболее заинтересованных в ее сохранении.

7. Демократия требует свободного существования различных партий и права на оппозицию. Но демократия в то же время имеет право и обязанность защищаться против тех, кто пользуется предоставленными ей правами, для того, чтобы ее уничтожить.

8. Социалисты выражают свою солидарность с борьбой за свободу народов, находящихся под игом диктатуры, — фашистской или коммунистической. Каждая диктатура является опасностью для свободы всех народов и для дела мира. Везде, где царит неограниченная эксплуатация или принудительный труд, — все равно, для частного обогащения или под полицейским террором, — там грозит опасность уровню жизни рабочих во всем мире.

В. Хозяйственная демократия.

1. В области экономики целью социализма является уничтожение безработицы, увеличение производства, повышение уровня жизни, социальное обеспечение и более равномерное распределение дохода и собственности.

2. Для достижения этих целей производство должно быть планировано в интересах народа в целом. Такого рода планирование не совместимо с концентрацией экономической мощи в руках немногих. Оно зависит от действительного демократического контроля над хозяйственной жизнью. Социализм, поэтому, решительно отвергает как монополистический капитализм, так и всякую форму тоталитарного планирования: обе эти формы не обеспечивают ни общественного контроля над производством, ни справедливого распределения продуктов последнего.

3. Социалистическое планирование может быть осуществлено различными средствами. Хозяйственная структура каждой страны определяет степень обобществления собственности и степень применения национализации существующих экономических объединений, или развитие новых общественных предприятий, муниципальных или областных предприятий, потребительских или производственных кооперативов. Эти различные формы общественной собственности не являются целью сами по себе, а должны рассматриваться только, как средства для контролирования основных отраслей промышленно-

сти, от которых зависит сельскохозяйственная жизнь и благосостояние населения, для рационализации непроизводительных предприятий или для предотвращения эксплуатации общества частными монополиями и картелями в области производства или распределения.

4. Социалистическое планирование не обязательно связано с общественной собственностью всех средств производства. Оно совместимо с существованием частной собственности в важных областях промышленности, например, в сельском хозяйстве, ремесле, розничной торговле и в малых и средних промышленных предприятиях. В этих областях планирование должно стремиться поощрять наиболее рациональные формы производства путем добровольного кооперирования и государственной или муниципальной поддержки. Даже без полной общественной собственности можно часто добиться того, чтобы частные предприниматели не злоупотребляли своей хозяйственной властью. Социалистические цели могут быть осуществлены различными формами законодательства и контроля.

5. В странах, в которых еще существуют до-капиталистические формы производства в сельском хозяйстве, или других областях хозяйственной жизни, социалисты должны стремиться к отмене таких остатков прошлого, для того, чтобы расчистить путь для хозяйственной демократии и более рациональных форм производства.

6. Профессиональные союзы и другие не-правительственные организации служащих, потребителей, крестьян и т. д., являются чрезвычайно важной составной частью демократической структуры общества, и социалисты никогда не должны допускать их вырождения в орудие центральной бюрократии или в жестокую систему корпораций. Эти не-правительственные экономические организации должны быть привлечены к обсуждению и решению общей экономической политики страны, — в то же самое время не ослабляя политической машины, путем которой народ, как целое, выявляет свою волю.

7. Социалистическое планирование не означает, что все решения в области экономики должны быть непременно переданы в руки правительства или центральной власти. Хозяйственная власть должна быть децентрализована повсюду, где это совместимо с целями планирования.

8. В то время, как либеральный капитализм допускал полную свободу эксплуатации, но ограничивал свободу большинства населения наличием безработицы и бедности, демократический социализм стремится сохранить и расширить свободу отдельных граждан в выборе предметов потребления, работы, рода обучения и специализации.

9. Социалистическое планирование обращается к чувству солидарности населения и к готовности последнего пойти на ограничение хозяйственной свободы в момент кризиса. Но оно не может быть построено на перманентном принуждении. Наоборот, увеличивая производство и повышая уровень жизни, социалистическое планирование создаст условия, которые приведут к постоянному расширению хозяйственных свобод.

10. В таком обществе граждане должны принять активное участие в хозяйственных процессах путем создания добровольных организаций или путем индивидуальной инициативы, чтобы предотвратить образование общественной или частной бюрократии. Необходимо обеспечить демократическое участие рабочих, служащих и потребителей в управлении промышленностью, не уменьшая в то же время производительности промышленности. Только при наличии полного демократического контроля могут национализация и другие формы обобществления собственности считаться социализацией. Только при условии активного участия всех граждан может социалистическое планирование в полной мере осуществить свои цели.

Г. Социальная демократия.

1. В то время, как главной целью капитализма является прибыль, основной целью социализма является удовлетворение основных человеческих потребностей.

2. Плоды социалистического планового хозяйства должны быть распределены соответственно этим потребностям, не лишая, однако, отдельного гражданина стимула к участию в производстве. Полностью признавая право каждого гражданина на справедливое вознаграждение за его труд, социалисты полагают, что должны быть приняты меры к развитию и других стимулов, как солидарность, или дух товарищества, когда люди работают в интересах коллектива.

3. Социализм отстаивает не только все те основные политические свободы, которые дает либеральная демократия, но и экономические и социальные права гражданина, в том числе следующие:

- право на труд;
- право на отдых;
- право на медицинскую помощь и больничный уход в случае заболевания, для рождений или хронических больных;
- право на социальное обеспечение для лиц, неспособных к труду, престарелых, безработных или больных;
- право семьи на сохранение достаточного жизненного уровня в случае рождения детей;
- право детей и молодежи на хороший уход, образование и специализацию в соответствии с их способностями;
- право на приличное жилище.

4. Социальные права не должны быть монополией только одной группы населения. Социалисты должны стремиться к отмене всех несправедливых различий в уровне жизни, социальной обеспеченности и возможностях между полами, общественными группами, жителями городов или деревень, религиозными группами или этническими и расовыми группами.

5. Социализм означает не только новый экономический и социальный строй. Экономический и социальный прогресс имеет ценность только тогда, когда он способствует увеличению суммы человеческого счастья. Социализм стремится к достижению не только экономических и социальных благ, но и моральных и психологических ценностей. Социализм противопоставляет себя либеральному капитализму не только потому, что последний недостаточно производителен, но и потому, что он безразличен. И социализм враждебен всем формам тоталитаризма потому, что они низводят человеческое достоинство. Социализм стремится освободить человека от страха и опасений за завтрашний день, присущих всем системам экономической эксплуатации. Социализм стремится обеспечить каждому человеку участие в культурном и духовном наследии мира.

Д. Интернациональная демократия.

1. Социалистическое движение было интернациональным с момента своего зарождения, сто лет тому назад.

2. Демократический социализм интернационален, потому что он стремится освободить все человечество, без различия национальности, религии или расы, от экономической, духовной

и политической эксплуатации. Он не признает в цивилизации всех гражданских.

3. Демократический социализм интернационален, потому что он всегда стоит на той же почве: правда, что все люди имеют право на мир и свободу, и что мир не может разрешить свои экономические и социальные проблемы изолированно от других стран. Правильные решения могут быть найдены только в международном сотрудничестве.

4. Демократический социализм стремится к созданию международного единства всех стран и народов мира, в котором характерные черты отдельных народов (язык, обычаи, религия) были бы общими всем.

5. Демократический социализм стоит на той же почве: правда, что неограниченный национальный суверенитет не может быть сохранен, если они хотят осуществить свой план. Организация Объединенных Наций является серьезным шагом вперед на пути к созданию международного сообщества народов.

6. Новое мировое общество, к которому социалисты стремятся, может успешно развиваться в мире мира, только если оно будет основано на добровольном сотрудничестве с народами, естественное право которых на независимость признается. Демократия должна поэтому быть построена в международном масштабе на основе принципов международного права, гарантирующего свободу и права человека. Социал-демократические партии поэтому требуют строго выполнения принципов Хартии Объединенных Наций и Всеобщей Декларации Прав Человека.

7. Демократический социализм отвергает любую форму империализма. Он борется против угнетения или эксплуатации каких бы то ни было народов.

8. Но одного отрицательного анти-империализма недостаточно. На обширном пространстве земного шара население страдает от крайней бедности, безработности и болезней. Бедность в одной части мира является угрозой процветанию других частей. Бедность является препятствием к демократическому развитию. Прогресс демократии, экономического развития и мира требует международного перераспределения дохода. Поднятие уровня жизни в отсталых областях земного шара необходимо в интересах всех народов. Социализм должен содействовать хозяйственному, социальному и культурному подъему этих областей, если он не хочет, чтобы они стали жертвой новой формы угнетения.

9. Демократический социализм признает сохранение мира своей верховной задачей. Но мир может быть обеспечен только путем коллективной безопасности и международного господства права. Только на этой основе создаются условия для международного сотрудничества.

10. Но мир не может быть обеспечен и без свободы. Нынешняя угроза независимости слабых народов и коллективом вместе создает опасность войны в наше время.

11. Демократический социализм стремится к миру, свободе и миру.

12. Демократический социализм стремится к единству всего человечества.